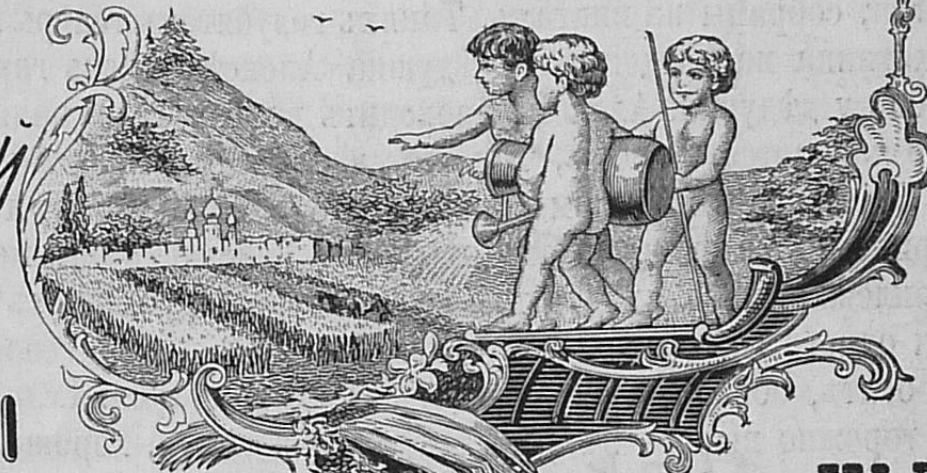

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 14

Выходитъ ежедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 7-го апрѣля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за Апрель 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Апрель 1912 г. съ 40 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 36 рис. далскихъ руководѣлій.

Голуби.

Семена Юшкевича.

(Продолженіе).

Охотникъ
дѣдушка
Алексѣй.

Дѣдушка Алексѣй—самый старый среди охотниковъ. Ему лѣтъ за девяносто, но онъ еще бодръ, ходитъ ровно, хотя медленно, не горбится. Борода у него маленькая, сѣдѣнькая, мѣстами желтоватая отъ старости. Глаза голубые, серьезные, подъ большими, какъ наросты, бровями. Щеки впалыя, изрѣзанныя вдоль и поперекъ морщинами. Дѣдушка Алексѣй рѣдко разговариваетъ, а когда разговариваетъ, то часто вздыхаетъ: „ыхъ“. Голосъ у него тоненькій, какъ у дѣвочки. И голосъ его, и „ыхъ“, и добрые глаза пріятно располагаютъ къ нему, и всегда хочется спросить у него совѣта. Кажется, что онъ все знаетъ и во всемъ сумѣетъ помочь. У дѣдушки Алексѣя еще жива жена—Марья Васильевна. Ей нѣтъ еще восьмидесяти, но она слабѣе дѣдушки Алексѣя. Кашляетъ, скрючилась отъ старости, трясетъ головой въ синенькомъ платочкѣ, едва на ногахъ держится, но все хорошо понимаетъ. Дѣдушкѣ Алексѣю она добрая помощница и по-старому думаетъ, что дѣдушка всемогущъ и никого въ мірѣ не боится. Своей жизни у Марьи Васильевны нѣтъ никакой. Что скажетъ дѣдушка Алексѣй, то она и повторитъ, что любитъ дѣдушка Алексѣй, то и она любитъ. А дѣдушка Алексѣй больше всего на свѣтѣ любитъ голубей. Привязался онъ къ нимъ еще смолоду, дѣтей Богъ не по-

И. Крамской. Старикъ.

слалъ, такъ онъ и до старости остался съ любовью своей къ птицамъ.

Голубей у него паръ двѣсти, все старинные: Лупачи, Черно-головые, Полосатые, Чайки. Во дворѣ у него цѣлыхъ три голубятни стоятъ въ трехъ углахъ двора, а четвертый занятъ домикомъ, гдѣ онъ самъ живетъ. Голубятни сдѣланы изъ хорошаго лѣса, собраны на винтахъ. Такихъ голубятенъ теперь ни у одного охотника не найдешь, и дѣдушка Алексѣй очень гордится ими. День у дѣдушки Алексѣя проходитъ въ охотѣ, ею начинается, ею же кончается. Утромъ, чуть свѣтъ, дѣдушка Алексѣй съ лопатой и березовымъ вѣникомъ на плечахъ забирается въ голубятни и принимается очищать ихъ отъ сора. Работаетъ онъ медленно, но прилежно, какъ слѣдуетъ, и все вздыхаетъ: „ыхъ, ыхъ“. Ужь онъ ни одного гнѣзда не пропуститъ, всякую ненужную соломинку выброситъ, обязательно погладитъ каждого голубя. Если есть яйца, осторожно вынетъ ихъ, посмотритъ на свѣтъ, хорошее положить назадъ въ гнѣздо, а болтуна непременно выкинетъ и скажетъ: „Вотъ грѣхъ-то!“

Осмотрѣвъ все гнѣзда и почистивъ ихъ, начинаетъ лопаткой полъ скоблить. Скоблить-скоблить, кряхтитъ и не успокоится, пока совсѣмъ чисто не сдѣлается. Тогда смететъ березовымъ вѣникомъ соръ въ одну кучку и лопаткой переброситъ его въ ведро, которое тутъ же стоитъ приготовленнымъ для этой цѣли. Кончитъ одну голубятню, выпуститъ голубей погулять и пойдетъ въ другую то же самое дѣлать. И работаетъ онъ такъ, что потъ катится съ него. Когда работа кончена, онъ зоветъ Марью Васильевну. Идетъ Марья Васильевна изъ комнатъ въ синенькомъ платочкѣ, въ рукахъ у нея деревянная чашка съ послѣдомъ. Голуби гуляютъ по двору, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, забавляются. Они хорошо знаютъ Марью Васильевну и, завидѣвъ ее съ чашкой, летятъ навстрѣчу и кружатся надъ головой. А она притворно сердится, отмахивается отъ нихъ свободной рукой и кричитъ старческимъ голосомъ: „Кишь, кишь!“ Дѣдушка Алексѣй беретъ чашку изъ рукъ Марьи Васильевны. Глазъ у него хорошихъ, наметанный и не ошибется, сколько горстей корма надо бросить въ каждую голубятню. Послѣ этого дѣдушка Алексѣй вымываетъ деревянные лохани, наливаетъ въ нихъ воды и тогда лишь отправляется съ Марьей Васильевной въ комнаты,—ихъ у него четыре, гдѣ находятся самые любимые его голуби. Комнаты высокія, стѣны известью вымазаны. Много всякаго добра у дѣдушки Алексѣя. Шкаповъ у него три, комоды, сундуки, столы, зеркала, и куда ни посмотришь—голуби: Полосатые, Чубатые, Чайки, Лупачи, Пѣгге и Сизаки. Въ комнатахъ отъ голубей тяжелый запахъ, но онъ не мѣшаетъ дѣдушкѣ Алексѣю. Дѣдушка Алексѣй очень любитъ голубиный духъ и увѣренъ, что онъ отъ всякой болѣзни помогаетъ: отъ кашля, отъ насморка и другой простуды.

Насыпавъ корму любимцамъ, онъ принимается за чистку паровокъ, которыхъ видимо-невидимо виситъ во дворѣ на стѣнѣ. Въ каждой паровкѣ у него по парѣ голубей. Дѣдушка Алексѣй уже много лѣтъ, какъ добывается какой-то масти. Что это за масть, онъ не говоритъ, безустанно скрещиваетъ голубей и такъ и этакъ, а толку до сихъ поръ не видно. Уже солнце высоко на небѣ, пора и поспѣвать. Марья Васильевна выноситъ столикъ во дворъ, накрываетъ его цвѣтной скатертью, ставитъ двѣ табуретки. Пьютъ чай со сливками, ѣдятъ калачи съ масломъ; голуби бродятъ по двору, подходятъ къ столу, воркуютъ. Дѣдушка Алексѣй улыбается, что-то шепчетъ, киваетъ головой и бросаетъ птицамъ пригоршню крошекъ. Марья Васильевна все хлопочетъ у самовара, раздуваетъ потухающіе угольки, и лицо ея озабоченное. Дѣдушка Алексѣй пьетъ много чаю и любитъ, чтобы вода даже въ чашкѣ у него кипѣла. Не угодишь—онъ начнетъ брюзжать и непременно скажетъ: „Я цѣлый день, какъ каторжный, работаю, такъ вы извольте, Марья Васильевна, мнѣ горячаго чаю поднести, а не помоевъ“.

Послѣ завтрака дѣдушка Алексѣй выпускаетъ летуновъ, которые живутъ въ средней голубятнѣ. Голуби уже знаютъ, чего отъ нихъ хотятъ, снимаются все сразу, берутся въ крыло и небольшими кругами идутъ вверхъ. Легаютъ они недолго—часъ, полтора, много-много два часа. А дѣдушка Алексѣй и Марья Васильевна все время стоятъ возлѣ голубятни, задрать головы, и наслаждаются своей леткой. Голуби летаютъ по-старинному: держатся тѣсною кучкой, и нельзя разобрать, который въ кучкѣ

лучше, который хуже, но это-то и любить дѣдушка Алексѣй. Не дай Богъ, если голубь отобьется отъ стаи. Придетъ мальчишка какой-нибудь голубка покупать—виновнаго перваго и продаетъ.

Самое лучшее удовольствіе дѣдушки Алексѣя это когда онъ чужаковъ заманиваетъ. Цѣлый день онъ возлѣ голубятни сторожитъ, небо наблюдаетъ. Какъ появится какой-нибудь чужакъ надъ дворомъ, такъ и не подходитъ къ дѣдушкѣ Алексѣю. Встрепенется, глаза по-молодому засверкаютъ, поступь станетъ тихая, и уже ходитъ крадучись, будто самъ на небѣ летаетъ и боится чужака прогнать. Выпуститъ осторожно голубей, притаится у голубятни, прикуситъ единственной парой зубовъ нижнюю губу и чуть махнетъ рукой. А голуби у него ученые чужаковъ заманивать. Вмигъ поднимутся, тѣсно окружатъ пришельца, завертятъ, закружатъ его, и хочешь не хочешь, а ужъ онъ сядетъ. Какъ сѣлъ, такъ и дѣдушка Алексѣй съ прутомъ покажется. Подниметъ пруть надъ головой чужака, и некуда тому дѣваться: долженъ итти въ голубятню.

Чужаковъ дѣдушка Алексѣй рѣдко оставляетъ у себя. Если голубь ему не нравится, то пусть ему цѣна хоть сто рублей, а онъ за него больше двадцати копеекъ не попроситъ. Но если чужакъ понравился, то и за сто рублей не отдастъ. Сдѣлаетъ голубю вязки и пуститъ на недѣлю гулять по двору. Послѣ того въ паровку посадитъ съ голубкой, а потомъ возьметъ въ комнаты, и тутъ уже чужаку конецъ: никогда ему больше на волѣ не бывать.

Есть еще слабость у дѣдушки Алексѣя. Любитъ онъ мальчишкамъ голубей продавать. Придетъ мальчишка, станетъ у воротъ и машетъ дѣдушкѣ Алексѣю рукой. Во дворъ къ себѣ дѣдушка Алексѣй никого не пускаетъ. Выйдетъ старичокъ за ворота и спроситъ, будто не знаетъ, зачѣмъ мальчикъ пришелъ, не догадывается:

— Что скажешь, милашъ?

— Голубка, дѣдушка Алексѣй, купить хочу. Продайте,—тоненькимъ голосомъ отвѣчаетъ мальчикъ.

— Продамъ,—говоритъ дѣдушка Алексѣй, про себя улыбаясь: нравится ему, какъ у мальчишки глаза бѣгаютъ.—А какого тебѣ голубка надобно?

— Мнѣ, дѣдушка Алексѣй, чтобы сизый былъ, и съ чубомъ, и коротконосый,—тоненькимъ голосомъ выводитъ мальчишка.

— Вишь, чего захотѣлъ,—говоритъ дѣдушка Алексѣй, самъ все улыбаясь.—И сизаго тебѣ, и кучаносаго, да еще съ чубомъ. А сколько дашь за такого?—вдругъ спросить.

— У меня, дѣдушка Алексѣй, одинъ гривенникъ есть. На гривенникъ продайте голубя.

— Что ты, что ты,—скажетъ: на гривенникъ! На гривенникъ и воробья теперь не купишь.

— Мнѣ, дѣдушка, воробей не нуженъ, а голубь, и чтобы сизый, и съ чубомъ.

— Давай двугривенный, я голубя принесу.

— Ей-Богу нѣту, дѣдушка, и гривенникъ не мой, а выигрышный.

— Ну пятиалтынный возьму,—добродушно говоритъ дѣдушка Алексѣй.—Нечего врать-то, милашъ. Я по глазамъ вижу, что у тебя изъ кармана пяточокъ вытираетъ. Вотъ онъ пяточокъ, давай-ка его сюда. А голубя сейчасъ принесу.

Такъ живетъ дѣдушка Алексѣй уже десятки лѣтъ, ничѣмъ не интересуется кромѣ голубей, нигдѣ не бываетъ съ Марьей Васильевной, и никто къ нему не ходитъ. И голуби любятъ дѣдушку Алексѣя. Весело воркуютъ, когда завидятъ его, на плечи садятся, на голову, а онъ смѣется, радуется и, какъ Марья Васильевна, кричитъ на нихъ „Кишь, кишь!“ Съ жизнью покончилъ онъ давно, къ смерти приготовился, а Марья Васильевна на этотъ случай далъ такое приказаніе, чтобы за его гробомъ ходили не праздные люди, а провожали бы охотники, и чтобы носили они въ рукахъ клѣтки съ его голубями. Голуби были его друзьями, они и пусть послѣдній долгъ отдадутъ ему.

Побѣгъ.

Прошла цѣлая недѣля, пока дѣдушка Алексѣй вспомнилъ обо мнѣ. Я, конечно, времени даромъ не терялъ и усердно работалъ клювомъ, чтобы ослабить вязки на крылѣ. Въ концѣ концовъ мнѣ это удалось. Оставалось ждать благоприятнаго случая. Цѣлью моей было очутиться на возвышенномъ мѣстѣ, откуда я хотя и съ рискомъ могъ бы сдѣлать попытку улетѣть. Надо ска-

зять, что стѣны двора дѣдушки Алексѣя были сплошь увѣшаны открытыми, безъ дверецъ, клѣтками-паровками. Вотъ въ одну изъ такихъ паровокъ онъ недѣли черезъ двѣ и посадилъ меня съ черноголовой голубкой. Очувившись тамъ, я, конечно, пожелалъ тотчасъ же привести свою мысль въ исполненіе. Но, какъ на несчастье, пошелъ дождь, паровки были унесены въ комнаты, и на этотъ разъ отъ побѣга пришлось отказаться. На слѣдующій день небо снова заволочило тучами, и такъ длилось цѣлую недѣлю. О своемъ намѣреніи я не смѣлъ ни съ кѣмъ подѣлиться и мучился втайнѣ. Черноголовой голубкѣ, съ которой мнѣ предстояло спароваться, довѣриться нельзя было ни въ чемъ. Это была вѣрная, преданная дѣдушкѣ Алексѣю, глупая старуха, впрочемъ, довольно бодрая, съ которой въ крайнемъ случаѣ можно было бы согласиться жить, если бы не ея отвратительный властолюбивый характеръ. Она изводила меня длинными, глупыми разговорами, сплетничала, осуждала Марью Васильевну, отъ нея переходила къ голубямъ и тутъ что-то врала несуразное, отъ голубей къ коту Машкѣ, и надо признаться, что въ концѣ концовъ она забила меня своей рѣчи-чистостью. Я возненавидѣлъ ее. Я молчалъ, не смѣя ни въ чемъ перечить ей, не смѣя возразить, и молилъ голубинаго бога о скорѣйшемъ освобожденіи меня отъ этой неугомонной, ужасной старухи. Изъ страха и чтобъ отвязаться отъ приставаній, я въ первый же день спаровался съ нею—и тутъ позналъ, какъ иногда бываетъ невыносима супружеская жизнь. Ставши моей женой, она начала свободно, безцеремонно распоряжаться мной. То она приказывала мнѣ чистить ей перья и часами дремала, развываясь, убаюканная моими ласками, то ей хотѣлось цѣловаться, то она взбиралась на мою спину и, разсѣвшись на ней, болтала какіе-то пустяки. Коротко, она сдѣлала мою жизнь въ нѣсколько дней до того невыносимой, что я рѣшилъ больше не медлить и улетѣть при первой возможности, даже въ дождь, даже въ бурю.

Тѣмъ временемъ небо очистилось отъ тучъ, показалось солнце, и паровки послѣ многихъ дней снова появились на стѣнѣ. Дѣдушка Алексѣй вынесъ и нашу, подвѣсилъ ее высоко, насыпалъ намъ корму и пошелъ въ голубятню. Тогда я повернулся къ Черноголовой и насмѣшливо сказалъ ей:

— Кру-у,—какъ неостороженъ дѣдушка Алексѣй, оставляя чужаковъ въ открытыхъ паровкахъ.—Вѣдь имѣй я желаніе улетѣть отсюда, я легко могъ бы это сдѣлать.

— Кру-у, еще бы,—затараторила она, по обыкновенію.—А кто въ вязкахъ? А у дѣдушки Алексѣя длинный пруть, —вотъ угостить онъ тебя этимъ прутомъ одинъ разъ—и забудешь про все въ мірѣ. Ужъ лучше бы молчалъ, глупый голубь.

— Чтò вязки,—безпечно сказалъ я:—ихъ можно сдвинуть клювомъ. Вотъ посмотри на мое крыло, убѣдись сама... Да, неостороженъ дѣдушка Алексѣй,—повторилъ я и приблизился къ открытой двери.

— Кру-у,—крикнула она:—куда это ты, дуракъ, пошелъ? Ступай назадъ!

— Куда?—спокойно спросилъ я:—развѣ ты не видишь? Ахъ ты, глупая, скверная старуха! Ужели ты въ самомъ дѣлѣ думала, что я соглашусь остаться въ этой тюрьмѣ, я, Красноголовый, потомокъ Орла Бѣлаго Голубя, да еще съ тобой?

— Кру-у,—прошипѣла она:—войди, или я сейчасъ же закричу, и на мой зовъ прибѣжитъ дѣдушка Алексѣй и отрѣжетъ тебѣ крыло.

— Поздно, Черноголовая, спохватилась. Я улетаю. Прощай, старуха!

Она дико закричала: „Кру-у, кру-у, дѣдушка Алексѣй, бѣги сюда, Красноголовый собираетъ улетѣть... Кру-у!“ Я разсмѣялся, ринулся въ воздухъ и понесся вдоль двора. Поднялся переполохъ. Испуганные голуби сорвались съ земли. Дѣдушка Алексѣй, увидѣвъ, что я полетѣлъ, затопалъ ногами. Марья Васильевна сердито угрозила мнѣ рукой: „А-га-ва-ма! Вотъ опять поймалъ тебя и обрѣжемъ крылья, благодарный Красноголовый!“

Не обращая вниманія на суматоху, я сдѣлалъ полкруга и усѣлся на трубѣ. Самымъ важнымъ въ моемъ положеніи было не медлить и продолжать свое путешествіе съ крыши на крышу. Отдохнувъ съ минуту на трубѣ, я осмотрѣлся и, взмахнувъ крыльями, перелетѣлъ на другую крышу. Затѣмъ я очутился опять на трубѣ и опять на какой-то крышѣ. Меня несло съ мѣста на мѣсто, какъ-будто за мной гнались сотни охотниковъ. Вскорѣ дворъ дѣдушки Алексѣя исчезъ изъ моихъ глазъ, и тогда я сталъ разду-

мывать, какъ мнѣ дальше быть. Конечно, если бы я не былъ въ вязкахъ, мнѣ ничего не стоило бы высоко подняться и спуститься на родную голубятню. Но объ этомъ нечего было и думать. Положеніе же сдѣлалось совершенно серьезнымъ, когда я почувствовалъ голодь. Печальный и въ раздумьѣ я пошелъ по крышѣ. Блуждая такъ безъ опредѣленнаго плана, я добрался до стѣны дома, и тутъ передо мной неожиданно открылся широкій дворъ, довольно чистый, вымощенный. Посреди, опоясанный желѣзной рѣшеткой, зеленѣлъ садикъ. Тутъ же подлѣ садика разгуливала пара голубей изъ породы трубочей, распустивъ вѣромъ хвосты. Я очень обрадовался имъ и, не раздумывая долго, слетѣлъ внизъ, подошелъ близко и, вѣжливо поклонившись обоимъ, сказалъ:

— Кру-у, здравствуйте, милые трубочи! Я очень радъ, что судьба столкнула меня съ вами. Вы видите передъ собой...

— Чтò нужно здѣсь озорнику, на этомъ чистомъ дворѣ?—откинувъ голову и забавно трясая зобомъ, оборвалъ меня на полусловѣ Трубочь, обернувшись къ своей голубкѣ.—Пусть убирается туда, откуда пришелъ.

— Кру-у, друзья мои,—началъ я, смущенный такимъ неласковымъ пріемомъ.—Чтò разсердило васъ въ моемъ привѣтствіи? Знайте, передъ вами не озорникъ, а голубь, случайно очутившійся въ несчастьѣ.

— Я не хочу его слушать,—гордо произнесла Трубочиха, распустивъ пышно хвостъ и удаляясь отъ меня.

— Друзья мои,—съ отчаяніемъ сказалъ я, пораженный ихъ жестокостью:—не откажите мнѣ въ милости выслушать мой рассказъ. Я—правнукъ самого Орла Бѣлаго Голубя, и вы нисколько не унижите своего достоинства, если кивнете мнѣ дружески головой.

— Мы не знаемъ твоего Орла Бѣлаго Голубя,—отозвался Трубочь:—однако я не сомнѣваюсь, что это былъ такой же бездѣльникъ, какъ и ты.

— Нѣтъ, онъ не былъ бездѣльникомъ,—поспѣшно сказалъ я:—увѣрю васъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ славныхъ голубей, которые жили когда-либо на землѣ.

— Кру-у, еще бы,—съ презрѣніемъ сказалъ Трубочь.—Не поздравляю его, если онъ былъ похожъ на тебя.

— Чѣмъ же я плохъ, друзья мои?—смирненно спросилъ я.

— Онъ еще спрашиваетъ! А почему ты не носишь чулочковъ на ногахъ? Почему у тебя нѣтъ двухъ чубовъ на головѣ, какъ у насъ? Гдѣ твой пышный хвостъ? А умѣешь ты дѣлать зобомъ, какъ мы?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—но у меня другія качества... Я...

— Молчи,—съ важностью отозвался Трубочь.—Чѣмъ говорить о качествахъ, лучше бы ты отрастилъ чулочки на ногахъ. Посмотри на себя,—стыдно ходить босикомъ.

— Позвольте же мнѣ сказать... Я летаю очень высоко и могу оставаться въ горѣ десять-двѣнадцать часовъ.

— Зачѣмъ же ты это дѣлаешь?—удивилась Трубочиха.—Вѣдь надо быть глупцомъ, чтобы высоко подниматься, неправда ли, господинъ мой, Трубочь? А вотъ ходить такой поступью, какъ я, распускать хвостъ вѣромъ, откидывать назадъ голову—это дѣйствительно красиво. Посмотри-ка на меня.

И она важно прошлась, гордо откинувъ голову, трясая зобомъ и распустивъ хвостъ.

— Я презираю летуновъ,—почесавшись лапкой, сердито сказалъ Трубочь.—Я признаю манжетныхъ голубей съ ихъ прекрасными завитками вдоль шеи. Я могу еще признать бантовыхъ, пожалуй, готовъ одобрить и испанскихъ голубей. Эти, по крайней мѣрѣ, настоящіе дворяне, галантные, красивые, любезные, съ большими красными наростами вокругъ глазъ, съ крошечными клювами. Но существованіе такихъ бездѣльниковъ, какъ летуны, совершенно ничѣмъ нельзя оправдать, и, если бы у меня была власть, я бы ихъ всѣхъ уничтожилъ.

Я отошелъ отъ этихъ напыщенныхъ глупцовъ, горько раскаиваясь, что довѣрился ихъ кроткому виду. Отчаяніе готово было овладѣть мной. Наступали сумерки, впереди предстояло провести ночь на незнакомомъ дворѣ, какъ вдругъ неожиданно явилось спасеніе. Открылась дверь какой-то квартиры, и на порогѣ показался юный Человѣкъ. Увидѣвъ меня, онъ запрыгалъ и весело закричалъ:

— А-га-ва-ма! Чужой голубь, мама! Новенькій какой-то, посмотри-ка!

И. Крамской. Неутѣшное горе.

И. Крамской. Портретъ художника И. И. Шишкина.

— Гдѣ ты увидѣлъ чужого?—спросила женщина, появляясь въ двери.

— Вотъ же онъ, мама, красноголовенькій. Посмотри, онъ под- нялъ голову и какъ-будто слушаетъ насъ. Правда, папа не лю- битъ такихъ, но мы красноголовенькаго спрячемъ отъ него. По- зволь мнѣ, мама, поймать его!

Женщина мило улыбнулась, кивнула головой. Я такъ усталъ отъ волненія и страха, что даже не сдѣлалъ попытки уйти отъ юнаго Человѣка и покорно далъ ему взять себя въ руки. Онъ крѣпко поцѣловалъ меня въ голову и понесъ въ свою комнату, гдѣ накормилъ, напоилъ и уложилъ спать на своей кровати, на- крывъ одѣяломъ.

Жизнь у юнаго Человѣка пришлась мнѣ по душѣ. Онъ безъ конца забавлялся мною по цѣлымъ днямъ. Я леталъ по комнатѣ, — крыло онъ развязалъ мнѣ въ первый же вечеръ, — иногда садился на шкапъ, прятался тамъ за какими-то коробками. Оттуда онъ меня выгонялъ тоненькой палочкой, я перелеталъ на оконныя гардины. Заглядывала ли мать въ нашу комнату — я и ее заба- влялъ, слеталъ къ ней на плечи, нѣжно ворковалъ ей въ ухо, улеталъ, кувыркался, садился на окно и оттуда смѣялся имъ обо- имъ. Такъ прошло много прелестныхъ дней, какъ вдругъ счастье наше въ одинъ мигъ разрушилось. Отецъ юнаго Человѣка слу- чайно провѣдалъ обо мнѣ и въ тотъ же день убралъ изъ комнаты. Ночь я провелъ въ маленькой голубятнѣ съ Трубачами, которые меня встрѣтили насмѣшками. На слѣдующее утро отецъ взялъ меня изъ голубятни, положилъ за пазуху и, несмотря на плачъ юнаго Человѣка и просьбы матери, понесъ на рынокъ.

Охотницкая.

— А-га-ва-ма, сколько за голубка?—вдругъ раздался подлѣ меня грубый громкій голосъ.

Я уже съ полчаса переходилъ изъ рукъ въ руки и чув- ствовалъ себя совершенно разбитымъ. Кругомъ меня сновала огромная толпа и страшно шумѣла.

— Дай два рубля, — отвѣтилъ мой хозяинъ.

— Два рубля?—удивился покупатель. — Полтинникъ за глаза довольно.

— А у него кольца на ногахъ.

— Чтò кольца? Кольца и дикарю нацѣпить можно.

— Стало-быть, проходи, если не нравится.

— А-га-ва-ма, сколько за голубка? — опять раздалось изъ толпы.

— Нисколько. Три рубля.

— Получайте птицу. Полтинника не возьмете?

— Давай деньги!

Я перехожу въ руки новаго хозяина. Онъ уноситъ меня куда- то, останавливается, опять осматриваетъ, киваетъ головой и бро- саетъ въ клѣтку съ голубями.

„Кру-у, наконецъ-то, — подумалъ я съ облегченіемъ. — Те- перь хоть отдохну. Посмотримъ, чтò дальше будетъ.“

Не успѣлъ я сложить крылья, какъ неожиданно изъ среды не- знакомыхъ голубей выдѣлился какой-то Черноносый Сизакъ и яростно набросился на меня съ крикомъ:

— Кру-у, берегись, убью, уничтожу, кру-у!

Оправившись отъ изумленія, я быстро повернулся къ нему и сердито сталъ отражать удары. Къ моему удивленію, Сизакъ даже не подумалъ защищаться, отошелъ отъ меня и какъ ни въ чемъ не бывало вступилъ въ драку съ своихъ сосѣдомъ, Лимоннымъ голубемъ. Въ негодованіи я прилежъ-было въ углу, но и тутъ меня не оставили въ покоѣ. Какой-то красный Пожарный голубь, желто-глазый, косочубый, въ чулкахъ, прельстившись моей наружностью, сталъ склонять меня спароваться съ нимъ. Онъ очень забавно, выпучивъ желтые глаза свои, насканивалъ на меня, ярился, кру- жился и говорилъ слова, съ которыми обращаются только къ возлюбленной. Я долго терпѣлъ и не отвѣчалъ на его ухажи- ванія и любезности, но наконецъ не выдержалъ и произнесъ съ досадой:

— Кру-у, я вижу, что ты очень глупый, не чуткій и вздор- ный голубь. Зачѣмъ ты яришь ко мнѣ и кружишься? Развѣ ты не догадался, что я самецъ?

— Кру-у, — сконфуженно воскликнулъ Пожарный: — не мо- метъ быть? Никогда бы не повѣрилъ! Ты такой тоненькій, строй-

ный, нѣжный, клювъ же у тебя совсѣмъ какъ у голубки. Прости, пожалуйста, мое непристойное поведеніе.

— Охотно прощаю, — сказалъ я, тронутый его искреннимъ раскаяніемъ.

— Не могу ли я быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезенъ здѣсь? — спросилъ онъ вдругъ.

— Я былъ бы дѣйствительно обязанъ тебѣ, если бы ты раз- сказалъ мнѣ, гдѣ я сейчасъ нахожусь. Чтò это за толпа, запру- дившая всю площадь? Почему здѣсь такъ много клѣтокъ съ голу- бями, и откуда несутся эти разнообразныя звуки, среди которыхъ я различаю и пѣніе канарейки и противный визгъ обезьяны?

— Удивляюсь твоему вопросу, благородный голубь, — отвѣ- тилъ Пожарный. — Неужели ты никогда не бывалъ здѣсь?

— Кру-у, представь, — никогда.

— Въ такомъ случаѣ я понимаю твое удивленіе. Но и ты, благородный голубь, извини меня, если лицо мое выразило самое крайнее изумленіе. Вѣдь и я въ первый разъ за свою долгую жизнь встрѣчаю голубя, незнакомаго съ этимъ птичьимъ рынкомъ, называемымъ Охотницкой. Ахъ, — неожиданно-мечтательно произ- несъ онъ, обращаясь къ Сизымъ, Лимоннымъ, Пожарнымъ и Лупачамъ, сидѣвшимъ къ клѣткамъ: — кто изъ насъ не помнитъ своего перваго появленія на Охотницкой, кто не вспоминаетъ съ груст- нымъ чувствомъ давнее, раннее воскресное утро, тихую торже- ственность празднично-спокойныхъ улицъ, далекій перезвонъ ко- лололовъ? Сидишь въ клѣткѣ, несомой рукой Охотника, и съ лю- бопытствомъ наблюдаешь встрѣчныхъ людей и думаешь, какъ всѣ они похожи другъ на друга. А тамъ тебя уже развлекъ добрый воробей. Съ плутовскимъ выраженіемъ въ глазахъ, прислушиваясь и пугливо озираясь, наскоро подбираетъ онъ замѣченное въ пыли зерно и вотъ уже вспорхнулъ, затрепеталъ крылышками, и нѣтъ его. Торопливо садится на мостовую стая дикарей. Въ синемъ небѣ пролетѣла по дѣлу черная галка, а за нею, разсѣкая воз- духъ крыльями, мчится ястребъ. Но нѣтъ тревоги въ твоей душѣ, потому что солнце свѣтитъ ярко, и улыбаешься хищнику. Не боишься его...

Чувствительное слово, сказанное Пожарнымъ, всѣмъ понрави- лось, и голуби закивали одобрительно головами. Я только одинъ не поддавался общему настроенію и нарушилъ молчаніе такимъ во- просомъ:

— Полагаю, Пожарный, ты навѣрное не откажешься раз- сказать мнѣ, чтò знаешь объ Охотницкой?

— Конечно, не откажусь, — отвѣтилъ Пожарный совсѣмъ другимъ тономъ. — Только рассказывать не о чемъ, вѣдь самъ все увидишь. А впрочемъ, изволь, послушай.

И онъ началъ:

— Кру-у, кру-у. Охотничій рынокъ есть та большая площадь, на которой мы сейчасъ находимся. Начало этого рынка никто хо- рошо не знаетъ, но, полагаю, не ошибусь, если скажу, что возник- новеніе его нужно отнести къ тому времени, какъ люди стали интересоваться голубиной охотой. Ради удобства купли-про- дажи и съ цѣлью быть всегда освѣдомленными въ голубиномъ дѣлѣ, люди условились собираться въ воскресный день, и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ каждое воскресенье на этомъ мѣстѣ съ ранняго утра собираются охотники. Продавцы устраи- ваются полукругомъ со своими клѣтками, купцы занимаютъ мѣсто въ серединѣ, ведутъ бесѣды, рассказываютъ новости, покупаютъ и продаютъ, закусываютъ горячими пирожками, играютъ въ рулетку, пьютъ квасъ или сбитень. Въ клѣткахъ имѣются всяческія породы голубей — отъ почтовыхъ до дикарей, отъ породистыхъ до еги- петскихъ, испанскихъ, трубачей, бантовыхъ, манжетныхъ и дру- гихъ. Есть тутъ и птенцы и старики, всякихъ мастей, на любой вкусъ, имѣются голуби извѣстные и неизвѣстные, пойманные и занесенные тучей. Чуть подальше отъ голубинаго ряда ты замѣ- тишь продавцовъ кенарей, соловьевъ, шпаковъ, чижей, перепе- ловъ, жаворонковъ, синицъ и маленькихъ колибри, попугаевъ и другихъ птицъ и пташекъ. На Охотницкой имѣются и всяческія ди- ковинки. Нужны ли кому-нибудь охотничьи щенки, есть и щенки. Тутъ найдется и ангорская кошка, и лисица, и летучая мышь, и орель, и кобчикъ, и голландскій пѣтухъ. Все здѣсь находитъ своей купца. Тому нужна канарейка, тому попугай, иной за обезьян- кой пришелъ, у третьяго голубь въ горѣ пропалъ, и онъ здѣсь его ищетъ, у того голубки не хватаетъ, этотъ охоту заводитъ... Шу-

мять купцы, продавцы, квасникъ кричитъ, охотникъ клянется, все хотять надуть другъ друга, а мы про себя смѣемся надъ ними.

Въ эту минуту открылась дверца нашей клѣтки, и кто-то, ловко поймавъ меня, вытащилъ наружу.

— А-га-ва-ма, сколько за голубка?—раздался вопросъ.

— Рубль съ четвертью, — отвѣтилъ мой новый хозяинъ.

— Дороговато, — выговорилъ купецъ.

— А тебя кто заставляетъ платить дорого? Положи-ка голубя въ клѣтку...

Я опять очутился на своемъ мѣстѣ. Пожарный тотчасъ подошелъ ко мнѣ.

— Кру-у, — сказалъ онъ: — помучать тебя купцы. Бываетъ такъ, что изъ рукъ иного едва живымъ вырвешься. Со мной это случалось. Между прочимъ, и охотника на себя не скоро найдешь. Дорого спрашиваютъ за тебя.

— А про себя какъ ты думаешь?—спросилъ я.

— Меня легко продадутъ, я дешевый.

— А тебя не беспокоитъ, въ чьи руки попадешь?

— Нисколько. Меня лишь бы купили, а тамъ я скоро освобожусь...

— Какъ такъ?—удивился я.

— Кру-у, очень просто, — отвѣтилъ Пожарный. — Меня хозяинъ уже разъ двадцать продавалъ, а вотъ видишь, я все тутъ. Опять продастъ, и опять я домой вернусь. Я голубь простой, и цѣна мнѣ не больше двугривеннаго. Летаю я минутъ двадцать и то такъ, что голуби смѣются. Я и не хвалюсь летомъ. Я хозяину служу. Онъ меня кормитъ, далъ голубку, и я плачѹ ему добромъ. Вотъ купить меня мальчишка, отдастъ хозяину двугривенный и понесетъ къ себѣ. Дома мальчишка меня осмотритъ. „Голубь смиренный, — подумаетъ онъ: — сдѣлаю ему вязки на недѣлю, спарю съ голубкой, а потомъ начну гнать“. Все устраивается, какъ мальчишка задумалъ. Отъ голубки я на шагъ не удаляюсь, бѣгаю за нею, цѣлуюсь съ нею, а въ голубятнѣ держу себя такъ, будто въ ней вѣкъ жилъ. И тутъ конецъ. Развязалъ мнѣ мальчишка крыло — и Пожарнаго вспоминай, какъ звали, — онъ уже дома. Вотъ какіе мы тутъ голуби.

Пожарный разсмѣялся, и товарищи разсмѣялись. Какой-то Лимонный, слушавшій внимательно, расправилъ крылья и серьезно сказалъ:

— Пожарному хорошо рассказывать, потому что у него всегда удача. А сколько нашихъ, проданныхъ за двугривенный, пропадаетъ. Однихъ берутъ на разстрѣлъ, другихъ мальчишки замучиваютъ, третьи безвѣстно погибаютъ.

Голуби печально заворковали: „Кру-у, кру-у...“

— Это правда, — отозвался Пожарный. — Вотъ я знаю такой случай:

Былъ у насъ въ голубятнѣ сѣро-сизый чубатый голубь, очень лѣнивый. Звали мы его Сѣркой. Разъ десять хозяинъ продавалъ Сѣрку. Продастъ, а черезъ недѣлю, черезъ двѣ-три, смотришь — пришелъ Сѣрка и все, бывало, смѣется. Какъ-то однажды сталъ торговать его охотникъ. Купилъ, деньги заплатилъ и забралъ. Хорошо. Ждемъ недѣлю, мѣсяць, другой, полгода — нѣтъ Сѣрки. Нѣтъ и нѣтъ, такъ и забыли про голубя. Какъ-то вынесъ меня хозяинъ въ одно воскресенье. Сажу въ своей клѣткѣ, вотъ въ этой самой. Выглядываю. Смотрю, а рядомъ со мной, въ другой клѣткѣ, нашъ Сѣрка. Я, конечно, обрадовался.

— Здравствуй, — говорю ему: — что жъ ты, Сѣрка, засидѣлся на чужомъ мѣстѣ и домой не летишь?

— Кру-у, — удивился онъ: — а ты, голубь, почему знаешь, что меня Сѣркой зовутъ?

— Какъ же, — отвѣчаю: — не знать этого? Не одинъ годъ рядомъ вмѣстѣ жили. Что это, пріятеля Пожарнаго не узнаешь?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, — отвѣтилъ Сѣрка: — вспоминаю, вспоминаю. Здравствуй, Пожарный. Какъ живешь? Все у того же хозяина летаетъ? А со мной вотъ что тогда случилось. Унесъ меня охотникъ къ себѣ, подрѣзалъ крыло и пустилъ въ засадку. Думаю себѣ: „Подожди ты, я по крышамъ пѣшкомъ уйду“. Удалось. Вылетѣлъ я въ полукрыльѣ на крышу, а онъ какъ на грѣхъ замѣтилъ и полѣзъ за мной. Я на улицу, онъ туда же. Погнался, поймалъ и говорить: „Коли ты такой молодець, я тебѣ и второе

крыло подрѣжу“. И дѣйствительно подрѣзалъ. Спаровался я съ голубкой, сажу. Одну пару дѣтей вывелъ, другую. Прошло такъ съ полгода. Выщипалъ онъ мнѣ перья, а когда крылья отросли — согналъ. Сдѣлалъ я кругъ и сѣлъ на голубятню. Летать отвыкъ, разжирѣлъ, разлѣнился, въ голубятнѣ голубка, птенцы, — не хочется мнѣ къ старому хозяину. Сталъ меня гнать. А я знаешь, какой летунъ. Долго онъ со мной мучился, все думалъ: на новомъ мѣстѣ засидѣлся голубь, разогнать нужно. Но наконецъ не вытерпѣлъ и вотъ сегодня вынесъ на Охотницкую... на разстрѣлъ отдастъ...

Появилась тѣнь у клѣтки, опять открылась дверца, и чьи-то руки поймали Пожарнаго.

— Сколько, дяденька, за Пожарнаго? — слышался молоденькій голосокъ.

— Двугривенный, гимназистъ.

— Получайте, дяденька, двугривенный...

— Кру-у, прощай, — крикнулъ мнѣ весело Пожарный: — и вы, друзья, прощайте, ждите черезъ недѣлю.

Я грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и вдругъ задрожалъ отъ радости. Къ клѣткамъ подходилъ старый Хозяинъ моей родной голубятни. Я сейчасъ же узналъ его и громко заворковалъ:

— Кру-у, старый хозяинъ, обернись въ мою сторону. Красно-головой здѣсь... кру-у!

— А-га-ва-ма, поймите-ка голубя, — сказалъ онъ, замѣтивъ меня.

— Какого? Красноголоваго? — спросилъ торговецъ.

— Да, Красноголоваго.

Когда я очутился въ его дрожащихъ рукахъ, онъ для вида осмотрѣлъ меня и, не возвращая обратно хозяину, тихо спросилъ:

— Сколько просите за голубя?

— Рубль съ четвертью. За рубль отдамъ.

— Нѣтъ ужъ, рубль съ четвертью, какъ сказали, — произнесъ мой хозяинъ и, отдавъ деньги, положилъ меня за пазуху.

Я прижался къ его груди и закрылъ глаза отъ счастья. Опять я увижу друзей, Двудысаго, Оловяннаго Ночника, свою голубку.

Дома хозяинъ подрѣзалъ мнѣ крыло и пустилъ въ голубятню. Меня тотчасъ же узналъ Двудысый и радостно заворковалъ.

— Кру-у, — воскликнулъ онъ: — Красноголовенькій, тебя ли я вижу?

— Да, это я, другъ мой, — отвѣтилъ я, подбирая быстро зерна послѣда. — А гдѣ же моя красноголовая? Почему она не встрѣтила меня?..

— Кру-у, — грустно отвѣтилъ онъ: — она умерла...

Я тихо заворковалъ.

Вѣсть о моемъ возвращеніи разнеслась быстро. Слетѣлъ на полъ Бѣлый Вербицкаго, появился Небесный съ голубкой, Оловянный Ночникъ, пришелъ Сумасшедшій, Хохоль, сынъ Ночника, Сизакъ Бѣлохвостый, и вскорѣ я былъ окруженъ толпой шумящихъ и кричащихъ отъ радости голубей. Меня рвали во все стороны, засыпали вопросами, и я едва успѣвалъ отвѣчать.

— Голуби и голубки, — произнесъ вдругъ Двудысый важнымъ голосомъ: — по велѣніямъ судьбы вернулся домой нашъ любимый, лучший среди насъ товарищъ — Красноголовенькій. Ознаменуемъ этотъ день не играми, не забавами, а тихой дружеской бесѣдой. Пусть Красноголовенькій выберетъ себѣ гнѣздо, усядется въ немъ и расскажетъ намъ подробно, не спѣша, обо всемъ, что приключилось съ нимъ съ той самой минуты, какъ онъ потерялъ изъ виду Ночника. А мы, разсѣвшись кто какъ хочетъ, внимательно и съ живымъ интересомъ станемъ слѣдить за его рассказомъ. Голуби и голубки, кто согласенъ съ моимъ предложеніемъ, пусть взмахнетъ крыльями.

— Все согласны, все согласны! Кру-у, кру-у, — загудѣли голуби.

Я кивнулъ головой Двудысому, забрался въ гнѣздо и, не спѣша, сталъ рассказывать.

И. Крамской. Христосъ въ пустынь.

Весеннимъ днемъ.

Оттаялъ садъ, и въ немъ такъ тонко
Запахло сыростью березъ...
Хожу съ бездуміемъ ребенка
Я по аллеѣ — вдоль и вкось.

Весенній свѣтлый праздникъ нынѣ
Природу всю преобразилъ:
Покровъ небесъ безбрежно-синій —
И ослѣпителенъ и милъ!

А въ вышинѣ за птицей птица
Летитъ, роняя крики внизъ...

Не обѣщаніе ль таится
За синевою горнихъ ризъ?..

Вотъ такъ и кажется, что скоро
Листвой березы зашумятъ,
И мотылька замѣтятъ взоры
И пчель, проникшихъ въ свѣтлый садъ...

И, можетъ-быть, на поворотѣ
Аллеи, свѣжей и сквозной,
Увижу въ слабой позолотѣ
Грустяшій нѣжный профиль твой!..

Владиміръ Нарбутъ.

И. Н. Крамской.

Очеркъ Б. П. Никонова.

(Съ портр. и 7 рис. на стр. 265, 268, 269, 274, 275 и 276).

24 марта с. г. исполнилось четверть вѣка со дня кончины одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, знаменитаго художника Ивана Николаевича Крамского.

Съ именемъ И. Н. Крамского у широкой публики нашего времени соединяется воспоминаніе и представленіе о талантливомъ авторѣ нѣсколькихъ картинъ, украшающихъ наши художественныя сокровищницы, и преимущественно — о портретистѣ, гремѣвшемъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Наше поколѣніе совершенно забываетъ, что И. Н. Крамской былъ не только художникомъ, не только портретистомъ (дѣйствительно замѣчательнымъ), но и глубочайшимъ философомъ-мыслителемъ во всемъ, что касалось искусства. Въстѣ съ тѣмъ это былъ одинъ изъ рѣдкихъ настоящихъ критиковъ въ области искусства, — критиковъ, которые дерзаютъ имѣть свой собственный, ни отъ чего независимый взглядъ и смѣло проводятъ новыя идеи и положенія въ искусствѣ. Наконецъ это былъ мощный организаторъ общественнаго начала въ жизни русскихъ художниковъ. До Крамского существовала одна только официальная, казенная организація, болѣе или менѣе объединявшая художниковъ, — это была Академія Художествъ. Крамской же создалъ „Художественную артель“ — общество художниковъ, объединенныхъ одинаковыми стремленіями и одинаковыми пониманіями задачъ искусства. Позднѣе при его же дѣятельномъ участіи создалось знаменитое „Товарищество передвижныхъ выставокъ“, сыгравшее такую громадную роль въ поднятій и развитій нашего національнаго искусства и въ дѣлѣ художественнаго воспитанія общественныхъ массъ.

На всемъ обликѣ Ивана Николаевича Крамского, какъ художника, и на всемъ его творествѣ лежитъ печать глубокаго осмысливанія своего призванія. Крамской писалъ свои картины не только потому, что ему „пишется“, какъ поется птицѣ, которая поетъ. Онъ пылливо опредѣлилъ цѣли и идеалы искусства и, разъ опредѣливъ ихъ, создавалъ только то, что соответствовало этимъ идеаламъ. И какъ настоящій философъ-мыслитель, онъ не замалчивалъ въ себѣ своихъ мыслей и откровеній, но высказывалъ ихъ устно и въ печати въ блестящей законченной формѣ мѣткихъ опредѣленій, афоризмовъ и разсужденій, которые отчасти увѣковѣчены и сдѣланы достояніемъ широкой публики въ извѣстномъ сборникѣ его писемъ. Кромѣ всего того, обладая темпераментомъ общественнаго дѣятеля и борца, Крамской нерѣдко вступалъ въ борьбу за свои идеалы или же выступалъ въ защиту всего того, что было ему дорого въ своихъ и чужихъ произведеніяхъ. Такова была его борьба съ Академіей съ ея закоснѣлой рутинной. Такова была его горячая защита знаменитой картины И. Е. Рѣпина „Іоаннъ Грозный убиваетъ своего сына“, на которую въ свое время обрушился цѣлый градъ нелѣпныхъ обвиненій въ развращеніи публики, въ потачкѣ грубымъ и жестокомъ инстинктамъ толпы и т. п.

Крамской былъ прирожденнымъ вожакомъ и знаменосцемъ въ дѣлѣ искусства. Онъ не только самъ слѣдовалъ выработаннымъ имъ идеямъ, — онъ звалъ и велъ за собою и другихъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые прокладываютъ новые пути и сѣютъ зерна новыхъ посѣвовъ. Мощная фигура этого идейнаго борца-художника рельефно выдѣляется даже среди его знаменитыхъ товарищей, представителей того золотого вѣка русскаго искусства, который расцвѣталъ и царилъ въ 70-хъ — 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Въ чемъ же заключались идеалы Крамского?

Отвѣтъ на это даютъ, во-первыхъ, всѣ его произведенія, а затѣмъ — его знаменитыя „письма“. Отвѣтомъ на это могутъ также служить и вся исторія и дѣятельность „Товарищества передвижныхъ выставокъ“ и все то, что было показано и дано выставками этого товарищества...

И. Н. Крамской былъ противникомъ самодовлѣмости искусства. Онъ не признавалъ искусства для искусства внѣ сферы общественныхъ требованій и настроеній. Искусство должно было, по его убѣжденію, сливаться съ человѣкомъ, съ его страданіями, стремленіями и быть плотью отъ его плоти. Мало того, оно должно

было учить его, — но не жидкой тенденціозностью, не пошлымъ и одностороннимъ морализированіемъ, а художественной проповѣдью красоты и добра. Крамской требовалъ отъ искусства глубокой содержательности и — что особенно характерно для его взглядовъ — интимнаго приближенія къ человѣческой душѣ. Только тѣ художественныя произведенія, по его словамъ, и могутъ имѣть цѣнность, которыя подходятъ вплотную къ тайникамъ души и сердца, и съ которыми человѣкъ сживается и начинаетъ любить ихъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ приглядывается къ нимъ и знакомится съ ними. Книга, которую мы не устаемъ перечитывать, картина, отъ которой намъ не хочется оторваться и которую мы хотѣли бы имѣть всегда около себя, „какъ друга и утѣшителя“, — только такое „интимное искусство“ (выраженіе Крамского) и въ правѣ назваться высокимъ именемъ художественнаго искусства.

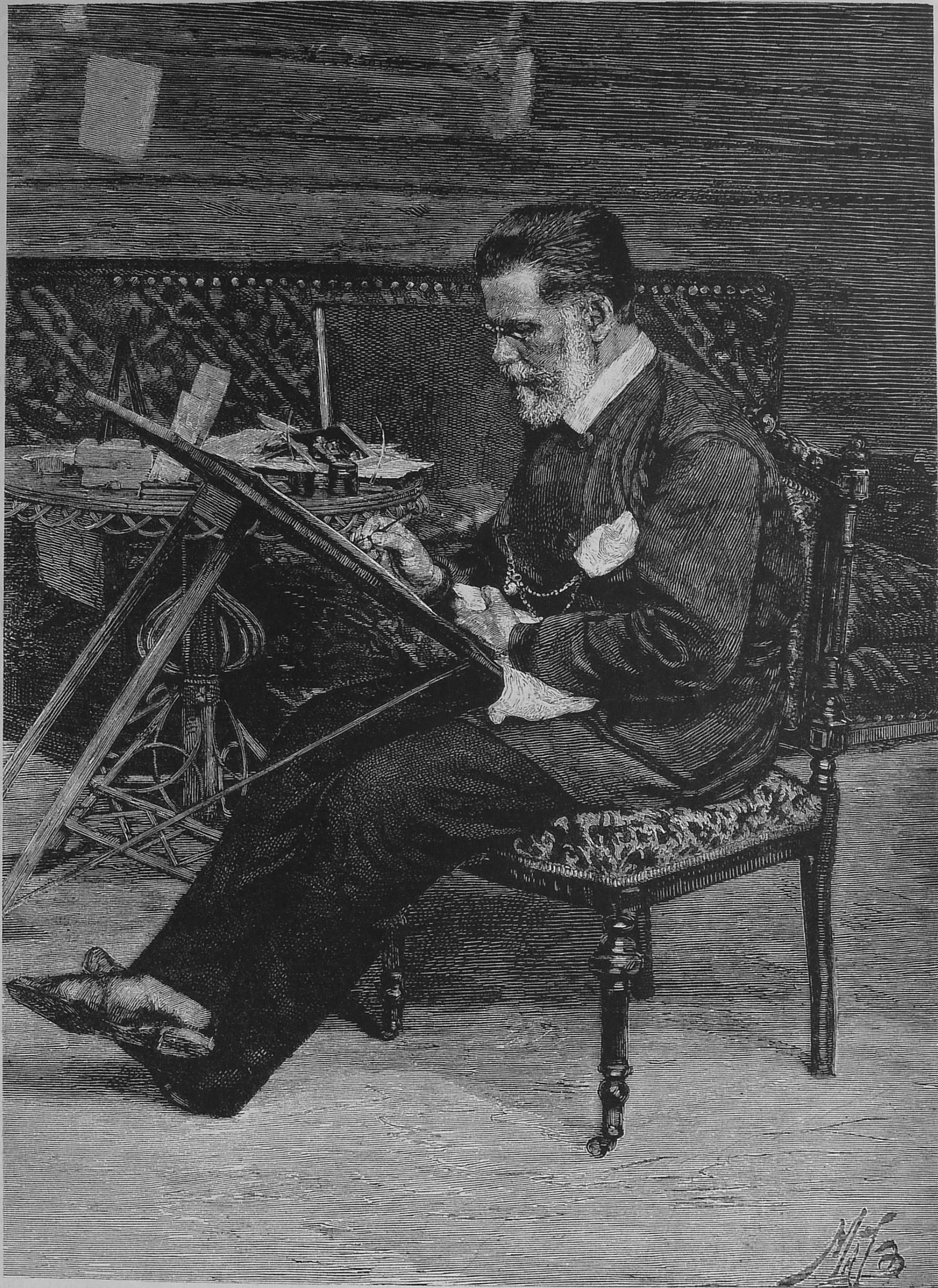
Искусство должно вести къ усовершенствованію человѣка. Таковъ общій лозунгъ Крамского. И въ этомъ отношеніи, а также и въ отношеніи своего глубоко-осмысленнаго философскаго взгляда на творчество, Крамской удивительно походитъ на Льва Толстого. Онъ такой же художникъ-мудрецъ и моралистъ, какимъ былъ яснополянской великанъ-писатель. И такъ же онъ увлекалъ за собой толпы прозелитовъ и привлекалъ ихъ къ себѣ силою своего убѣдительнаго и красиво-законченнаго слова...

Требую отъ художника, чтобы онъ былъ до нѣкоторой степени учитель и властитель думъ, Крамской считалъ необходимымъ для художника всестороннее образованіе. Учить можетъ только тотъ, кто самъ выученъ и образованъ. „Если вы хотите служить обществу“, — говоритъ Крамской въ одномъ изъ своихъ писемъ: — вы должны знать и понимать его во всѣхъ его интересахъ, во всѣхъ проявленіяхъ, а для этого вы должны быть самымъ образованнымъ человѣкомъ... Образованіе нужно художнику также и для того, чтобы освободиться отъ всего чужого, наноснаго, рутиннаго и возвращать въ себѣ самобытное, свое собственное, согрѣтое живой національностью, творчество. Въ этомъ требованіи самобытности и согласованія искусства съ особенностями народнаго національнаго облика заключается еще одинъ изъ общественныхъ и художественныхъ идеаловъ Крамского. „Русскому пора наконецъ становиться на собственные ноги въ искусствѣ, — писалъ онъ: — пора подумать о созданіи своей, русской школы, національнаго искусства... Наша задача настоящаго времени — задача русскихъ художниковъ — освободиться отъ этого рабства (подражаніе иностраннымъ образцамъ). А для этого мы должны вооружиться всестороннимъ развитіемъ самихъ себя“...

Таковы были требованія Крамского и его идеалы. Говоря о необходимости для художника быть въ постоянной близости къ человѣку съ его страданіями и запросами и къ его душѣ, онъ едва ли не первый изъ русскихъ художниковъ поставилъ и разрѣшилъ вопросъ объ отношеніи художника къ публикѣ. Глубоко понимая искусство во всѣхъ его частностяхъ, онъ стоялъ и боролся прежде всего за реальное, бытовое, жизненное искусство, глубоко народное и близкое къ душѣ русскаго человѣка, и создалъ ту русскую школу, о которой онъ говорилъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Эта школа нашла для себя выраженіе во всемъ томъ, что появлялось на передвижныхъ выставкахъ... И прежде и паче всего онъ требовалъ самоусовершенствованія и развитія каждаго художника — для того, чтобы художникъ могъ своими произведеніями содѣйствовать развитію и совершенствованію человечества....

И если мы дадимъ себѣ трудъ прослѣдить личное творчество Крамского, то увидимъ, что онъ первый строго слѣдовалъ всѣмъ этимъ, начертаннымъ имъ для художника, идеаламъ и требованіямъ.

За исключеніемъ громаднаго количества портретовъ, писаніе которыхъ было вовсе не „спеціальностью“ Крамского, а тягостнымъ, почти подневольнымъ трудомъ ради куска хлѣба, всѣ его остальные произведенія отличаются строгой идейностью и тѣмъ „интимнымъ“ приближеніемъ къ душѣ человѣческой, которое онъ

Иванъ Николаевичъ Крамской. По поводу 25-лѣтія со дня кончины. Гравироваль профессоръ В. Матэ.

считалъ необходимымъ качествомъ всякаго истиннаго искусства.

Наиболѣе яркими и характерными изъ его произведеній въ этомъ родѣ являются картины „Лѣтняя ночь“, „Неутѣшное горе“, „Христосъ въ пустынь“ и неоконченная картина „Смѣхъ“, изображающая поруганіе Христа во дворѣ у Пилата.

Задумчивая молодая женщина, одиноко сидящая въ саду лунной ночью („Лѣтняя ночь“); безутѣшная мать, у которой умеръ ребенокъ („Неутѣшное горе“); Христосъ, переживающій тяжкое искушеніе и сомнѣніе предъ тѣмъ, какъ избрать трагической путь служенія человѣчеству („Христосъ въ пустынь“) — эти лица, эти глаза запоминаются и стоятъ въ воображеніи, какъ выжженные

огнемъ. Крамской былъ великимъ художникомъ глазъ человѣка, этихъ оконъ человѣческой души. Величайшій поэтъ души, онъ умѣлъ давать своимъ произведеніямъ дуновение духа живого, вѣчно томящагося и печальнаго въ исканіи вѣчныхъ началъ красоты и правды. Эта „душевность“ творчества Крамского — глубоко національная и совпадающая съ качествами русской народной психики — опять-таки рѣзко сближаетъ его съ Толстымъ... И какъ у Толстого, такъ и у Крамского художественное творчество опредѣленно ведетъ къ подъему лучшихъ силъ и качествъ въ человѣкѣ и безъ всякаго фальшиваго морализированія учитъ насъ быть лучшими и болѣе совершенными людьми. То же самое слѣдовало бы сказать и о неоконченной картинѣ Крамского „Смѣхъ“.

которая была настоящим страданіемъ всей его жизни: отвлекаемый постоянной борьбою за существованіе, онъ такъ и не успѣлъ привести въ исполненіе грандіознаго замысла—показать всю ужасающую пошлость и звѣрство смѣющейся толпы, топчущей своимъ животнымъ смѣхомъ въ грязь величайшую красоту и благо міра...

Внѣшняя сторона жизни Крамского довольно богата событіями. Онъ родился (въ 1837 году) въ простой и малосостоятельной семьѣ мелкаго уѣзднаго чиновника въ г. Острогожскѣ, Воронежской губерніи. Любовь къ рисованію пробудилась въ немъ очень рано, но долго не могла найти настоящаго выхода для себя. 16 лѣтъ Крамской поступилъ въ ретушеры къ одному харьковскому фотографу и пробылъ у него три года. Только къ 20 годамъ ему удалось попасть въ Академію, гдѣ онъ получилъ малую золотую медаль за программную картину: „Моисей источаетъ воду изъ скалы“. Но академическаго курса молодой Крамской не кончилъ: возмущившись рутинностью академическаго преподаванія, онъ вмѣстѣ съ 14-ю своими товарищами вышелъ въ 1863 году изъ Академіи, отказавшись принимать участіе въ казенномъ конкурсѣ.

Внѣ академическихъ стѣнъ развитіе таланта Крамского пошло впередъ громадными шагами. А вмѣстѣ съ тѣмъ началось и его общественное служеніе въ средѣ художниковъ. Онъ основалъ вышеупомянутую „Художественную артель“, которая послужила зерномъ и основаніемъ для товарищества передвижныхъ выставокъ, а позднѣе, когда возникло это товарищество, Крамской въ теченіе десяти лѣтъ велъ его дѣла и былъ душою этого знаменитаго художественнаго кружка, выросшаго въ громадную по своей внутренней силѣ и значенію организацію.

Большое участіе онъ принималъ и въ другомъ художественномъ кружкѣ—въ „Обществѣ Поощренія Художествъ“ и много потрудился тамъ надъ дѣйствительнымъ поощреніемъ молодыхъ художниковъ, полагая всю свою душу въ это живое дѣло, въ особенности, когда требовалась кака-нибудь помощь нуждающейся молодежи, какъ, напримѣръ, это было съ талантливымъ, преждевременно погибшимъ, пейзажистомъ Васильевымъ.

Въ 1872 году Крамской былъ приглашенъ въ комиссію по пересмотру устава Академіи. Дважды онъ ѣздилъ за границу—писать образа для копенгагенской русской церкви, а позднѣе—лѣчиться отъ начинавшейся болѣзни, которая свела его черезъ нѣсколько лѣтъ въ могилу. Пребываніе за границей дало Крамскому громадный матеріалъ для интересныхъ и поучительныхъ писемъ объ искусствѣ и художникахъ въ Италіи, Германіи и Франціи и объ отношеніи искусства къ толпѣ и художника къ публикѣ въ Западной Европѣ и у насъ.

Тяжкая болѣзнь (грудная жаба), нѣсколько лѣтъ мучившая художника, свела его въ 1887 году въ могилу. Послѣдніе годы онъ прожилъ въ большой нуждѣ, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, несмотря на свою громадную популярность и славу.

И. Н. Крамскому принадлежитъ около 40 картинъ и свыше 700 портретовъ. Изъ картинъ его, кромѣ вышеупомянутыхъ, слѣдуетъ упомянуть: „Русалки“ (Майская ночь), „Охотникъ на тлятъ“, „Созерцатель“, „Осмотръ стараго барскаго дома“, „Лѣсникъ“ и др. Изъ его портретовъ упомянемъ портреты Л. Н. Толстого, художниковъ: Шишкина, Венига, Корзухина и Чистякова, затѣмъ портреты: Некрасова, Григоровича, Суворина и многихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Ж а й ф а.

Изъ книги „Солнце жизни“ А. М. Федорова.

Голубовато-зеленое, спокойное море, все обласканное солнцемъ, которое склоняется къ западу и ткеть на водѣ новые узоры въ новыхъ, болѣе мягкихъ тонахъ.

Двое слѣпыхъ, сухорукій и горбатый, сидятъ на покрытомъ тентомъ трюмѣ. Ихъ окружили бабы-богомолки и поятъ чаемъ. Калѣкамъ недурно живется въ пути: у нихъ всегда есть, что закутить, и чай пьютъ постоянно. За ними ухаживаютъ бабы не то для спасенія души, не то по традиціи.

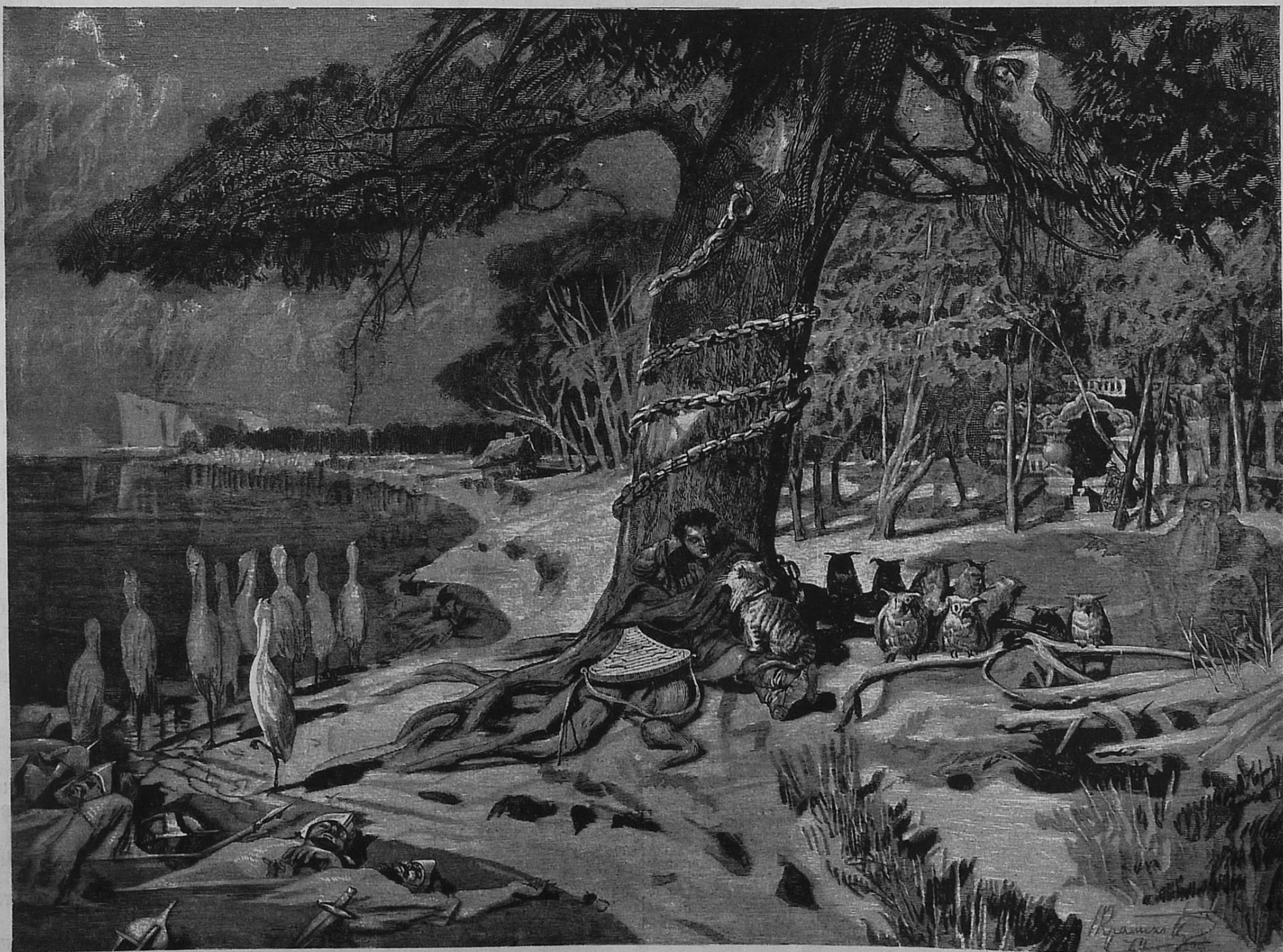
У горбатаго тоже исковеркана рука.

— Во снѣ приключилось,—объясняетъ онъ свое уродство.

— Какъ во снѣ? Вѣрно, уронили?

— Нѣтъ, чего ронять! На полу спалъ, вотъ и приключилось.— Началось съ руки, руку скрючило. Лѣчить стали,—противъ Бога, значить, пошли. Господь горбомъ наказалъ: сталъ горбъ расти,—и вотъ я какой теперь.

И сухорукій и слѣпые—тоже пытаются объяснить свое уродство таинственнымъ происхожденіемъ. Но лица ихъ исковерканы оспой, и ослѣпли они какъ разъ послѣ оспы. А у сухорукаго, очевидно, суженіе жилъ. И эти трое—молодые еще мужики.

И. Н. Крамской. „У лукоморья дубъ зеленый“ („Русланъ и Людмила“).

— Связать насъ всѣхъ четверыхъ, да и въ море. Только грѣхъ да доука людямъ!—чистосердечно заявляетъ сухорукій.

— Зачѣмъ связывать, и связывать не зачѣмъ!—иронически добавляетъ горбатый:—и безъ связки далеко не уплывемъ.

Бабы въ страхѣ качаютъ головами:

— Чего ужъ это! Какъ это можно такъ Бога гнѣвить!

— Чего ужъ гнѣвить! Богъ-то раньше, видно, на насъ прогнѣвался за грѣхи родительскіе. Родители-то грѣшатъ, а дѣти въ отвѣтъ.

Одна изъ бабъ, совсѣмъ еще молодая, съ кроткимъ, миловиднымъ лицомъ, тихо стонетъ и закрываетъ лицо руками.

Я и раньше обратилъ на нее вниманіе на пароходѣ. Случалось замѣчать, какъ она плачетъ гдѣ-нибудь въ уголку, и за ея одинокими слезами чувствовалось настоящее горе.

— Чего ты, болѣзная?—сострадательно спрашиваетъ ея сухорукій.

Она отвѣчаетъ не сразу:

— Младенецъ умеръ безъ Святого Крещенія. Слабъ былъ больно. Спервоначала-то крестить не рѣшались, а онъ и померъ.—Этотъ

спорилось... Ну, я такъ по пятишкѣ набавляла. Оно и вышло всѣ сорокъ цѣлковыхъ, что у меня были. Да ничего. По-хорошему вышло. И въ крестные отцы на томъ свѣтъ самого святого Николая Угодника умолили, а крестной—великомученицу Параскеву. Теперь его душенька освободилась отъ нечистаго и въ ангельскомъ чинѣ пребываетъ.

— Такъ, такъ, а какъ же домой ты теперь вернешься безъ денегъ?

— Ничего... какъ-нибудь... милостыней Христовой. Въ жизнь не просила, да тутъ такое дѣло: пока письмо до дому дойдетъ, пока что... Развѣ я одна въ Іерусалимѣ такъ-то...

Надъ Кайфой, на горѣ, покрытой лѣсомъ, лежитъ легкая тѣнь, но городъ по склону освѣщенъ, и ярко зеленѣютъ на солнцѣ внизу правильные квадраты полей, въ то время какъ незасѣянные поля кажутся мѣдно-красными. Восточная часть города совершенно теряется среди основательныхъ нѣмецкихъ построекъ съ красными покатыми черепичными крышами. Прямой линіей отъ города восходитъ на Кармель бѣловатая дорога, часть кото-

И. Н. Крамской. „Голова“ („Русланъ и Людмила“).

грѣхъ упалъ на мать и отца страшной тяжестью. Мужъ самъ отправилъ ее въ Іерусалимъ замаливать: ему-то нельзя домъ и землю оставить.—Говорятъ, въ Виѳлеемѣ отецъ Евфимій есть, іеромонахъ, такъ онъ и послѣ смерти Святымъ Духомъ крестить,—сквозь слезы говоритъ она и обводитъ всѣхъ робко-вопросительнымъ взглядомъ.

— Есть, есть, только беретъ больно дорого,—замѣчаетъ одинъ изъ слѣпыхъ.

— Ну, да вѣдь и дѣло не легкое,—добавляетъ другой.—Надо такую молитву знать, да и поклоновъ отбить столько, что у другого головы не хватитъ.

Но тутъ паломница-баба изъ такъ называемыхъ зазывалокъ, которая уже шесть разъ была въ Іерусалимѣ и зазываетъ къ греческимъ монахамъ поклонниковъ и поклонницъ на всякія жертвы, скороговоркой замѣчаетъ:

— Чего зря-то болтать! „Дорого“! Съ кого дорого, съ кого дешево. Опять же, ежели съ эпитимьей, дешевле, а безъ эпитимьи—дороже.

Но растерянная мать согласна на все—и деньги согласна заплатить какія угодно. Грѣхъ ея, какъ скоро выясняется, въ томъ, что ребенокъ родился въ январѣ. Значитъ, зачатъ былъ Великимъ постомъ, а можетъ-быть, и на Страстной недѣлѣ.

Я встрѣтилъ впоследствии эту несчастную въ Іерусалимѣ. У нея не осталось ни копейки денегъ: монахи все вытянули за отпущеніе грѣха и за посмертное крещеніе ея младенца; но, несмотря на свое нищенское положеніе, она явно просвѣтлѣла.

— Хотъ взяли все, да зато грѣхъ сняли...—съ радостными слезами объясняла она.—Спервоначала-то іеромонахъ за десять рублей взялся, а потомъ, говорить, все труднѣе да труднѣе... Не

рой также свѣтится среди зелени. Слева отъ насъ—сѣрый пароходъ съ красными трубами, сверкающими на солнцѣ. За нимъ—красный пароходъ, и два человѣчка висятъ у его борта надъ водой, покрываютъ ослѣпительно красный vermillon черной краской. Пустыя суденышки качаются вдали отъ берега. Солнце еще довольно высоко надъ моремъ справа, и ослѣпительно сверкаетъ по еле замѣтной зыби его отраженіе. Свѣтится и песчаная полоса у берега подъ ярко-синей оторочкой волнъ, и за этой полосой, какъ въ оазисѣ, темнѣютъ высокія, стройныя пальмы, разстрѣливая вѣрами свои легкія, гибкія перья.

На ютѣ столпились палубные пассажиры, и красныя фески яркими пятнами шевелятся среди мѣховыхъ шапокъ, картузовъ и нелѣпыхъ случайныхъ шляпъ паломниковъ. Матросъ справа на борту, прикрутивъ себя сѣткой къ поручнямъ, закидываетъ лоть и громко кричитъ по направленію къ мостику:

— 32... 31... 28... 15...

— Стоп!

Мы высаживаемся у первобытной набережной съ источенными древними камнями, около которыхъ тѣсняются лодки перевозчиковъ и рыбаковъ.

Старый черный арабъ съ бѣлой бородой, дѣлающей его физиономію траурной, бросается къ намъ, чтобы помочь вылѣзть изъ лодки, но нашъ лодочникъ безцеремоннымъ пинкомъ отталкиваетъ его въ сторону.

Я прохожу мимо почернѣлыхъ зданій, выхожу на маленькую площадъ, гдѣ торгуютъ рыбой, и беру здѣсь коляску на Кармель, въ католическій монастырь, построенный еще Карломъ X. За часть

до насъ пришелъ австрійскій пароходъ; на площади уже толпятся туристы.

По узкой улицѣ экипажъ поднимается вверхъ, при чемъ извозчикъ трубитъ изо всей силы въ предупрежденіе встрѣчныхъ экипажей. Бѣлые барашки, мѣченныя красной краской, сбиваются къ каменной стѣнѣ вмѣстѣ съ своимъ чернымъ пастухомъ и испуганно глядятъ на насъ. Черезъ заборъ свѣшиваются густыя, темно-лиловыя кисти буагонвилля, похожія на цвѣты глициніи. Бѣлые камни поражаютъ своей чистотой. Начинается нѣмецкая колонія.

Прямые улицы. Основательныя постройки. Чистыя окна съ бѣлыми занавѣсками. Аккуратная зеленъ деревьевъ, аккуратные огороды. И не то, чтобы деревья были подстрижены, но они какъ-будто не смѣютъ расти здѣсь въ безпорядкѣ, въ присутствіи этихъ похожихъ одинъ на другой бѣлыхъ домовъ съ красными кровлями, и даже старыя масличныя деревья кажутся здѣсь выравненными подъ одну стать.

Въ одно изъ открытыхъ нѣмецкихъ оконъ доносятся звуки піанино: дѣтская рука разучиваетъ гаммы; и эти звуки кажутся также чистенькими и аккуратными, какъ звуки механическаго инструмента.

Красный макъ сверкаетъ въ зелени, и чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ его больше. Попадаются цѣлыя полянки, такую радостью сверкающія на солнцѣ, какъ-будто въ зелени разсыпали пылающіе угольки.

Нашъ пароходъ вдаль на морѣ становится все меньше и меньше по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся вверхъ. Городъ уходитъ, и дома представляются сбившимися въ кучу и кое-гдѣ громоздящимися другъ на друга. Зато справа, внизу, широко развертывается долина со всемъ богатымъ разнообразіемъ зеленыхъ тоновъ, среди которыхъ темнѣютъ масличныя, дубовыя и лавровыя деревья.

Вся долина какъ-будто прижалась къ морю, которое съ высоты кажется необычайно легкимъ, нѣжнымъ и ровнымъ, какъ туго натянутый синій шелкъ.

По долинѣ вьется шоссе. На немъ, какъ игрушечная, стоитъ коляска съ парой лошадей, и на ярко освѣщенной зелени въ сторонѣ у семи громадныхъ деревьевъ чернѣютъ пять фигуръ восточныхъ женщинъ; онѣ вышли изъ экипажа, чтобы дать ногамъ радость коснуться свѣжей зеленой травы.

— Ю! — погоняетъ арабъ лошадей дикимъ гортаннымъ крикомъ, и онѣ бодро поднимаютъ насъ все выше и выше. Справа — стѣна зелени; слѣва — обрывъ. Синеватые кактусы топорчатся живой изгородью, раскидывая зеленыя широкія лапы точно въ живой междоусобной схваткѣ.

На пути съ насъ взяли какую-то мелочь на покрытіе расходовъ по устройству шоссе. Мѣстные арабы постоянно портятъ это шоссе, чтобы имѣть работу, и монахи ничего не могутъ подѣлать съ этимъ зломъ.

По временамъ оглядываясь назадъ, я вижу все то же море, городъ и дальше — Акру, верстахъ въ 12 отъ Кайфы, на финикійскомъ берегу, на мѣстѣ древней Птолемаиды, и Ливанъ, среди котораго Гермонъ сіяетъ, какъ бѣлое облако. Свѣтлой, радующей красотой возносится въ синеву его вершина, и кажется, именно она придаетъ горамъ такую изумительную легкость и воздушность.

Когда мы въѣхали въ монастырскія ворота, солнце между черныхъ кипарисовъ склонялось къ западу. Звонилъ монастырскій колоколь и наполнял жужжаньемъ предвечернюю тишину. Съ сѣверо-запада на востокъ синѣло море, сиреневое вдаль, мягко шумя подъ крутой горой, на краю которой бѣлѣетъ башня маяка. Здѣсь недавно почти подъ самымъ маякомъ среди бѣла дня налетѣлъ на подводный камень итальянскій пароходъ „Венецуэла“. Около 100 человекъ спасенныхъ трое сутокъ жили въ домикѣ возлѣ маяка. Пять лѣтъ тому назадъ здѣсь же погибъ австрійскій пароходъ.

Передъ самымъ монастыремъ небольшой садикъ съ цвѣтущими олеандрами и розами. Тутъ воздвигнутъ памятникъ 200 французамъ, которыхъ оставилъ въ монастырѣ Наполеонъ послѣ неудачной осады Акры. Больныхъ и усталыхъ Джезаръ-паша перерѣзалъ всѣхъ и разрушилъ монастырь. Мальчикъ-туристъ, про-

ходя мимо дверей монастыря, попросилъ провожающаго насъ монаха-итальянца сыграть на органѣ. Тотъ съ радостью исполнилъ его просьбу, — и вотъ въ удивительно бѣлой, небольшой монастырской церкви раздались звуки органа и поющіе голоса, наполняя пустоту храма и собираясь подъ куполомъ, въ то время какъ солнце закатывалось за моремъ.

Въ глубинѣ церкви алтарь надъ пещерой, гдѣ, по преданію, жилъ Илья пророкъ. Въ пещерѣ звѣздочкой свѣтится неугасимая лампада. Зажгли еще свѣчу, и это было жаль, потому что сразу выступили черныя камни пещеры и грубо сдѣланное изображеніе Ильи пророка.

Монахъ провелъ насъ отъ пещеры въ монастырскую пріемную, гдѣ пріѣзжающихъ угостили ликеромъ мѣстнаго издѣлія изъ растущихъ на Кармелѣ травъ. Монахъ расхваливалъ намъ достоинство этого напитка, по его словамъ, весьма полезнаго для желудка, и скромно предложилъ пріобрѣсти по 3 франка за бутылку. Тутъ же продавались картолики и разные предметы благочестія изъ перламутра, дерева и камня, а также лѣпныя изображенія Божьей Матери, которая, по преданію, бывала на Кармилѣ.

Изъ пріемной насъ повели осматривать монастырь. Женщинамъ не полагается посѣщать монашескую обитель, — ихъ повели на маякъ. Въ монастырѣ всего 18 человекъ братіи; маленькія кельи выходятъ окнами на море и полны тишины и унынія. Зато въ коридорѣ гулко отдается звукъ шаговъ, и нашъ проводникъ получилъ отъ стараго монаха замѣчаніе за то, что слишкомъ шумно ведетъ насъ мимо церковныхъ ложъ, гдѣ въ этотъ часъ монахи предаются благочестивому размышленію.

— Scusate, padre! Sono dementiente, — пробормоталъ сконфуженный итальянецъ, опуская глаза.

При монастырѣ музей окаменѣлостей, собранныхъ въ окрестностяхъ; окаменѣлости напоминаютъ дыни, тыквы и прочіе плоды и, по преданію, найдены въ полѣ, проклятомъ пророкомъ Ильей за нечестіе хозяевъ.

Черезъ монастырскіе коридоры мы поднимаемся на плоскую кровлю монастыря и оттуда любуемся великолѣпнымъ видомъ на окрестность.

Какъ радостно послѣ тѣсныхъ монастырскихъ келій и сводачатыхъ коридоровъ снова очутиться на свободѣ, на воздухѣ! Какъ дико и нѣжно благоухаютъ степная травка и цвѣты! Красная азалия въ садикѣ какъ-будто затаила еще въ своихъ яркихъ цвѣтахъ зарево свѣтъ, и цвѣты эти сіяютъ великолѣпнымъ лампадъ, которыхъ не найдешь ни въ одномъ монастырѣ.

Не хочется спускаться внизъ, несмотря на то, что наступаютъ сумерки; вспыхиваютъ огни на морѣ, въ Кайфѣ и наконецъ на кармилескомъ маякѣ. Блекнутъ краски, ступеньваются очертанія предметовъ, и среди тишины и сумрака, въ уединеніи встаетъ грозная фигура св. Отшельника то съ гнѣвно-горящимъ взоромъ и какъ бы бурей разметанными волосами проклипающаго и избивающаго жрецовъ Ваала, то бѣгущаго въ неистовомъ вдохновеніи передъ колесницей Ахава черезъ всю Ездрилонскую долину.

Образъ пророковъ Ильи и Елисея витаетъ надъ этой высокой горой, благодаря многочисленнымъ пещерамъ похожей на соты, и переноситъ въ библейскія времена, когда отшельники не дѣлали ликеровъ и не торговали предметами благочестія, а скрывались въ пещерахъ, дружили съ птицами и дикими звѣрьми и грозно выступали на борьбу съ нечестіемъ и порокомъ, неукротимые въ гнѣвѣ и радости, вдохновенные въ молитвахъ и пророчествахъ.

Уже вечеромъ, при звѣздахъ, мы спускаемся внизъ по крутой дорогѣ.

Въ Кайфѣ всюду свѣтятся огни. Тепло, тишина и благоуханіе окружаютъ душу покоемъ и лаской. Въ нѣмецкихъ домахъ окна открыты; тамъ послѣ трудового дня отдыхаютъ честные и аккуратные нѣмцы, и ровный огонь лампы освѣщаетъ ихъ довольныя, сытыя физиономіи, въ то время какъ портретъ кайзера Вильгельма смотритъ съ бѣлой стѣны, свидѣтельствуя, что и здѣсь, гдѣ нѣкогда рѣзали великолѣпныя финикійскіе города, откуда по всему міру расходились драгоцѣнныя пурпурныя ткани, гдѣ въ уединеніи спасался Илья и трудился Пиеагоръ, — нѣмцы могутъ чувствовать себя дома и на все накладывать крѣпкую печать: „Made in Germany“.

Русскіе трапперы въ Манчжуріи.

Очеркъ Н. А. Байкова.

I.

Въ тишинѣ глухой тайги прозвучалъ далекій винтовочный выстрѣлъ. Я насторожился и сталъ прислушиваться. Собака моя, ушедшая по свѣжему слѣду кабарги, возвратилась и, ворча, надела втягивать въ себя воздухъ, вопросительно поглядывая на меня своими умными карими глазами. Я погрозилъ ей пальцемъ въ знакъ молчанія; умное животное, казалось, поняло, помахало закрученнымъ на спину хвостомъ и спокойно усѣлось около меня на снѣгъ, предварительно потоптавшись на одномъ мѣстѣ.

Я стоялъ на обрывистомъ гребнѣ скалистаго хребта, у большой каменистой розсыпи, гдѣ выслѣживалъ кабарожекъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, черною лайкой Сибирлетомъ.

Кругомъ на десятки верстъ синѣли, уходя въ туманную даль, горные отроги Цайлина, покрытые темными, дремучими кедровниками.

Внизу, въ глубинѣ пади, сквозь темныя вершины таежныхъ великановъ бѣлѣла извилистая лента рѣчки Хайлинъ-хэ, называемой здѣсь Шихо.

Тихо было въ горахъ, только большой черный дятель жалобно кричалъ, звучно ударяя крѣпкимъ клювомъ по корявому стволу сухой березы.

Вверху синѣло глубокое небо; быстро неслись по немъ перистыя облачка, предвѣщая на завтра снѣжную, вѣтреную погоду.

Долго я стоялъ, прислушиваясь къ звукамъ лѣса, но ничто не нарушало его торжественную тишину.

Въ этихъ мѣстахъ бродили хунхузы, и надо было узнать, кто стрѣлялъ, чтобы самому не попасть имъ неожиданно въ лапы.

Осторожно, прыгая съ камня на камень, останавливаясь и прислушиваясь, я сталъ спускаться внизъ по косогору на звукъ выстрѣла. Сибирлетъ шелъ впереди меня и вскорѣ, начуявъ кого-то, глухо заворчалъ. Я остановился и изъ-за ствола гигантскаго кедра старался высмотрѣть предполагаемаго врага; но лѣсная чаща была безмолвна и не выдавала своихъ тайнъ.

Сибирлетъ, поводя чуткимъ носомъ по сторонамъ, крадучись пошелъ впередъ. Прошло минутъ десять, собака остановилась шагахъ въ полтораста и замерла, изрѣдка взлаивая. Поблизости былъ человѣкъ, но ничто не обнаруживало его присутствія.

Могильная тишина царила въ тайгѣ, и въ этой тишинѣ чувствовалось что-то тревожное, зловѣщее.

Всматриваясь пристально впередъ, я началъ различать на бѣлой корѣ толстой березы черную полосу ружейнаго ствола и обрѣзъ головы незнакомаго и невѣдомаго охотника.

Законъ тайги суровъ и беспощаденъ и требуетъ полнаго вниманія и бдительнаго наблюденія за всѣмъ вокругъ, иначе гибелью грозитъ каждое закрытіе, и неожиданный врагъ готовъ уже послать смертельную пулю.

Сибирлетъ открылъ незнакомца и лаялъ на него.

Надо было на что-нибудь рѣшиться — я крикнулъ громко и, позвавъ собаку, вмѣстѣ съ тѣмъ держа винтовку наготовѣ, двинулся впередъ.

Изъ-за ствола березы показалась фигура человѣка; винтовку онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ и сейчасъ же опустил ее, когда я подошелъ къ нему вплотную и сказалъ:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — отвѣтилъ незнакомецъ.

Передо мной стоялъ молодой человѣкъ, повидимому, русскій. Онъ былъ средняго роста, строенъ и широко въ плечахъ. Длинные русые волосы видны были изъ-подъ мѣховой рысей шапки. Окладистая темная борода и небольшіе усы обрамляли смуглое, загорѣлое лицо. Небольшой, но правильный носъ и рѣзкое очертаніе тонкихъ губъ придавали выраженію его лица изящество и благородство. Выпуклые голубые глаза смотрѣли смѣло и даже сурово.

— Вы тоже охотитесь? — спросилъ онъ меня послѣ минутнаго молчанія.

— Охочусь, — отвѣтилъ я: — искалъ кабаргу, но вы, кажется, ее уже убили?

— Да убилъ, вонъ она лежитъ тамъ у камня. Я, было, началъ ее свѣжевать, да замѣтилъ васъ и рѣшилъ удостовѣриться, съ кѣмъ имѣю дѣло... Ну, будемъ знакомы. Моя фамилія Веселовскій, имя Александръ, а по батюшкѣ Ивановичъ! — съ этими словами онъ протянулъ мнѣ свою небольшую, но крѣпкую руку.

Я назвалъ себя.

— Хорошая собачка у васъ, — проговорилъ онъ, продолжая прерванное занятіе свѣжеванія кабарги: — съ такою собакой въ тайгѣ не пропадешь!

Снявъ кожу съ животнаго, онъ вырѣзалъ у него на брюхѣ мускусный мѣшочекъ, завернулъ его въ газетную бумагу и спрятавъ въ боковой карманъ своей куртки, сдѣланной изъ оленьей кожи.

— Здѣсь много этого звѣря; вотъ уже третьяго беру въ этихъ камняхъ. Китайцы промышляютъ его петлями и силками, но я не люблю такой охоты, лучше промышлять ружьемъ, — кто не лѣнивъ, тотъ имѣетъ свою выгоду.

Съ этими словами онъ окончилъ обдѣлку туши, сложилъ мясо и красивую пеструю шкурку въ мѣшокъ, закинулъ его за плечо и закурилъ коротенькую трубку, пуская колечками густой синеватый дымъ.

Солнце уже спустилось низко, его косые лучи кое-гдѣ пробивались въ чащу лѣса. Темнѣло. Я собирался распрощаться и идти, но Веселовскій предупредилъ меня словами:

— Куда же вы? Пойдемъ ко мнѣ. Хата моя недалеко отсюда. У меня хоть и не роскошныя хоромы, но все же лучше, чѣмъ ночевать въ тайгѣ на снѣгу!

Его убѣдительная просьба, а главное — перспектива ночевки въ лѣсу заставили меня согласиться, и я зашагалъ рядомъ съ нимъ внизъ по косогору.

Дойдя до рѣчки, мы выбрались на ледъ и пошли вдоль берега, гдѣ протоптана была тропинка.

Сибирлетъ шелъ за мной, косясь на новаго своего знакомаго.

По дорогѣ онъ разспрашивалъ меня, откуда я, гдѣ служу, давно ли охочусь.

Узнавъ, что я семейный, онъ глубоко вздохнулъ и смолкъ, изрѣдка только подавая краткія реплики на мои вопросы.

Вызвѣздило. Ночь наступила, когда мы подошли къ крутому берегу рѣки. Подъ скалой пріютилась небольшая избушка въ два окна. Низкая массивная дверь, обитая шкурой козули, была подперта снаружи коломъ.

Мы вошли. При свѣтѣ масляной лампы, зажженной хозяиномъ, я увидѣлъ довольно большую комнату. У внутренней стѣны стояли двѣ деревянныя кровати, покрытыя пушистыми медвѣжьими шкурами, такими же шкурами былъ обитъ полъ до половины. Сбоку у стѣны стояла плита и печь изъ дикаго камня, обмазан-

наго глиной. Небольшой столъ и скамьи у наружной стѣны дополняли всю незатѣливую обстановку таежнаго жилья.

Подъ досчатымъ потолкомъ на длинныхъ шестахъ висѣли шкуры всевозможныхъ звѣрей и бѣлѣли два черепа изюбровъ съ громадными рогами.

Теплота и уютность жилища производили благопріятное впечатлѣніе. Я раздѣлся, вымылся изъ приспособленнаго боченка ледяною водой и съ жадностью принялся уничтожать душистый, ароматный чай съ сухарями, предложенный радушнымъ хозяиномъ.

— Товарищъ мой еще не вернулся, — проговорилъ онъ, присаживаясь за столъ: — навѣрное задержался на дальнихъ ловушкахъ... Видите ли, — продолжалъ онъ, замѣтивъ вопросительное выраженіе моего лица: — мы живемъ здѣсь вдвоемъ и промышляемъ звѣря вмѣстѣ. Я исключительно живу ружьемъ, товарищъ же мой не только ружьемъ, но и силками, то-есть ловить пушныхъ звѣрей. Онъ долженъ сейчасъ прійти; вы собаку-то свою попридержите, а то съ нашими псами ей не сладить, могутъ попортить. Вотъ лежокъ на поминѣ, онъ и самъ идетъ!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ избы. Слышны были громкій разговоръ и взвизгиванье собакъ.

Мой Сибирлетъ насторожился, взъерошилъ на спинѣ шерсть и грозно заворчалъ. Пришлось его привязать къ кольцу, вбитому въ стѣну.

Къ удивленію своему, я услышалъ ржанье лошадей.

На мой вопросъ, откуда здѣсь лошади, Веселовскій отвѣтилъ, что у нихъ имѣется ихъ три, одна повозка и двое саней — дровень, для вывоза битыхъ звѣрей изъ горной тайги къ линіи желѣзной дороги.

— Раньше мы охотились зря, и много звѣря пропадало за невозможностью его вывезти, а теперь, слава Богу, разжились конницей и обозомъ и живемъ помаленьку... А вотъ и мой товарищъ и компаніонъ! — указалъ онъ театральнымъ жестомъ руки на вошедшаго: — прошу любить и жаловать!

Въ это время въ избу пришелъ человѣкъ громаднаго роста, но уже не молодой. Черная густая борода съ сильной просѣдью своимъ цвѣтомъ мало отличалась отъ краснобураго обвѣтреннаго лица.

Я всталъ, чтобы позвать руку великана, но моя рука спряталась совершенно въ его могучей длани; онъ улыбнулся какъ-то просто, по-дѣтски и застѣнчиво, тряхнулъ головой.

— Илья Муромецъ, или Илья Кондратьевичъ Барабашъ! — отрекомендовалъ его Веселовскій. — Зовите его, какъ хотите, но я его называю всегда Ильюшей, за что онъ на меня не въ претензіи. Правда, Ильюша? — хлопнулъ онъ богатыря по плечу, смотря снизу вверхъ на добродушно улыбавшееся лицо.

— Ну, что, какъ ваша охота? — спросилъ я Барабаша, чтобы вывести его изъ затруднительнаго положенія.

— Да ничего! Благодареніе Господу, сегодня добылъ двухъ кабановъ и изюбра. Вотъ только что привезъ ихъ. Теперь мяса хватить намъ на всю зиму! — проговорилъ наконецъ великанъ, при чемъ голосъ его гудѣлъ и наполнялъ всю комнату. Даже Сибирлетъ, все время лежавшій подъ скамейкой, сердито зарычалъ, показывая острые бѣлые клыки.

Пока хозяева были заняты приборкой звѣрей и разными дѣлами по дому, я успѣлъ ихъ хорошенько разсмотрѣть и сдѣлать кое-какія свои заключенія.

Повидимому, Веселовскій принадлежалъ къ интеллигентному классу общества, Барабашъ же — типичный простолюдинъ. Сочетаніе такихъ разнородныхъ элементовъ при тѣсномъ сожителствѣ, а также дружба этихъ людей съ разными характерами, понятіями и міровоззрѣніемъ, при весьма оригинальной обстановкѣ и исключительныхъ условіяхъ, — сильно меня заинтересовали, и я рѣшилъ покороче съ ними познакомиться и вникнуть въ ихъ жизнь, сложившуюся такъ необычно.

Ужинъ изъ жареной изюбятины былъ чрезвычайно вкусенъ. Я ѣлъ съ увлеченіемъ, въ то же время любуясь могучей фигурой и сложеніемъ Ильюши. Выпуклые продолговатые мускулы его груди и рукъ ясно обозначались подъ тонкою ситцевою рубахой. Онъ ѣлъ очень много, съ апетитомъ и ожесточеніемъ разгрызая большими бѣлыми зубами кости, при этомъ ножъ и вилку пускалъ въ дѣло рѣдко, больше возлагая надежды на свои крѣпкіе пальцы. По временамъ онъ встряхивалъ шапкою черныхъ съ просѣдью волосъ, покрывавшей и издавалъ довольно ворчаніе, какъ медвѣдь, дорвавшійся до ѣды. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ, но на самомъ дѣлѣ ему было гораздо больше.

Происходя изъ крестьянъ Черниговской губерніи, онъ съ отцомъ своимъ переселился въ Уссурийскій край. Но тамъ не повезло имъ, отецъ умеръ отъ тифа, и Илья бросилъ хату, выстроенную на берегу озера Ханка, и ушелъ въ Никольскъ, оттуда во Владивостокъ, гдѣ поступилъ кузнецомъ въ доки. Работалъ тамъ лѣтъ пять. Затѣмъ ѣздилъ въ качествѣ слесаря на пароходахъ Добровольнаго флота. Побывалъ въ Японіи, Индіи, Константинополѣ. Пробрался и на родину, въ свою деревню подъ Черниговомъ, но тамъ все показалось ему чужимъ, и онъ вернулся опять на Дальній Востокъ, приписавшись къ деревнѣ Черниговкѣ въ Уссурийскомъ краѣ. Занялся промысловой охотой, и дѣла пошли хорошо. Справилъ себѣ новую хату подъ желѣзной крышей, купилъ лошадей и воловъ; женился. Для присмотра за рабочими-корейцами взялъ помощника, молодого парня изъ пересе-

ленцевъ, самъ же осенью и зимой уходилъ въ тайгу промыслять звѣря. Такъ прошелъ годъ. Но вотъ Илья сталъ замѣчать сближеніе жены съ молодымъ парнемъ, и въ концѣ концовъ послѣд-тяжело было Ильѣ-богатырю, но онъ смирился, отдалъ все свое добро и хозяйство молодому хозяину, отказался отъ жены и лоскемъ.

Всю эту исторію жизни лѣсного бродяги узналъ я отъ послѣд-зывать о себѣ и при разспросахъ на эту тему ограничивался просто отмахивался рукой, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ разгово-ровъ.

Душно стало въ избѣ, и я вышелъ, взявъ съ собою Сибирлета, на дворъ. Темная таежная ночь набросила саванъ на горы рый снѣгъ большими хлопьями пронеслся мимо, кружился въ гранитные утесы берега и заросли дикаго винограда пухлою бѣ-люю пеленой.

— Завтра будутъ непогода и мятель!—произнесъ Веселовскій, выйдя на дворъ и кутаясь въ свою щеголеватую оленью куртку:—вонъ какъ крутить и завываетъ! Завтрашняя охота пропала: звѣрь тоже не любитъ пурги, лежитъ въ своихъ логовахъ и не покидаетъ лѣжень въ густыхъ чащахъ, пока буранъ совершенно не прекратится. Вотъ, если хотите, то сходимъ завтра послѣ обѣда на медвѣжьё берлогу; недалеко отсюда, верстъ пять бу-детъ. Медвѣдь большой, пудовъ, можетъ-быть, на двадцать. Мы его берегли до сихъ поръ, но теперь можно для васъ его не-страшныхъ заросляхъ, такъ что добраться до него будетъ трудно. Вотъ увидите сами. А чтѣ, Ильюша,—не пойти ли намъ завтра на медвѣдъ? Кстати, и гостю доставимъ удовольствіе!—спросилъ онъ подошедшаго къ намъ Барабаша.

— Чтѣ жъ! Можно. Хоба на него зарокъ положенъ? Годи ему дрыхнуть, пора и честь знать!—И съ этими словами великанъ вошелъ въ дверь избышки, низко нагнувшись.

Хозяйскіе псы, почуявъ чужую собаку, собрались около насъ съ намѣреніемъ задать трепку моему Сибирлету, но грозный окрикъ Александра Ивановича вразумилъ ихъ, и они, недовольно ворча, удалились къ конюшнѣ, гдѣ зарылись въ большомъ стогу сѣна.

Холодно мнѣ стало на вѣтру, и я возвратился въ теплое помѣ-щеніе. Барабашъ улегся уже на полу возлѣ печки, подстлавъ подъ себя нѣсколько изюбровыхъ шкуръ. Мѣрное его дыханіе свидѣтельствовало о томъ, что крѣпкій сонъ всецѣло овладѣлъ имъ.

Гостепримные хозяева уступили мнѣ одну изъ кроватей, именно ту, на которой спалъ обыкновенно Барабашъ. Веселовскій долго еще возился съ приборкой посуды и наконецъ, прикрутивъ не-много фитиль лампы, раздѣлся и легъ на кровать, закры-вшись теплымъ мягкимъ одѣяломъ изъ козьяго мѣха.

Мнѣ, какъ гостю, предложено было плюшевое одѣяло, подши-тое енотомъ.

Сибирлетъ долго не могъ успокоиться подъ моей кроватью, вспоминая негостепримную встрѣчу, оказанную ему хозяйскими псами; наконецъ и онъ заснулъ, изрѣдка взвизгивая во снѣ.

Гдѣ-то за печкой трещалъ неумолчно сверчокъ; въ сѣняхъ скреблась мышь.

Порывистый вѣтеръ завывалъ въ трубѣ.

Тайга стонала и ревѣла, какъ дикій звѣрь.

Сонъ бѣжалъ отъ меня. Жарко ли было въ избѣ, или впечат-лѣнія дня ройлись въ головѣ моей, не знаю. Я ворочался съ боку на бокъ, стараясь забыться, но заснуть не могъ.

Веселовскому, повидимому, также не спалось; по временамъ онъ поворачивался и смотрѣлъ на меня, но я лежалъ съ закрытыми глазами.

— Чтѣ, вамъ, видно, не спится?—проговорилъ Веселовскій, замѣ-тивъ, что я открылъ глаза.—Мнѣ тоже не спится что-то. Сегодня я проснулся поздно. Илья былъ на охотѣ, и я вышелъ въ ке-дровникъ, чтобы освѣжиться, гдѣ и встрѣтилъ васъ.

Видно было, что Александру Ивановичу хочется поговорить, и, желая воспользоваться этимъ и разчитывая узнать что-нибудь о немъ самомъ, я отвѣтилъ:

— Не спится. Должно-быть, здѣсь жарко. Нельзя ли отворить хотя форточку?

Онъ сейчасъ же соскочилъ съ кровати и отворилъ маленькую форточку въ окнѣ.

Свѣжій морозный воздухъ ворвался въ комнату, и клубы пара поползли отъ окна внизъ на полъ.

— Ишь, какъ важно спитъ нашъ богатырь! Любо смотрѣть на него!—остановился онъ надъ спящимъ Барабашомъ.—Славный человекъ!—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья:—душа человекъ! Физически силенъ, какъ дьяволъ, и незлобивъ, какъ ребенокъ. Повѣрите ли, мухи никогда не обидитъ, но въ гнѣвѣ сокрушитъ кого угодно.—Надежный человекъ и хорошій това-рищъ,—сказалъ онъ, прыгнувъ въ кровать и заворачиваясь въ свое козье одѣяло.

Желая вызвать его на откровенность, я воспользовался его разговорчивостью и спросилъ:

— Гдѣ вы съ нимъ познакомились, Александръ Ивановичъ?

Набивъ свою коротенькую трубку китайскимъ табакомъ и за-куривъ, онъ сказалъ:

— Познакомился я съ нимъ года три тому назадъ въ тайгѣ Уссурийскаго края, въ такъ называемыхъ Алучинскихъ лѣсахъ, гдѣ я тогда былъ въ командировкѣ по преслѣдованію и поимкѣ хунхузовъ, грабившихъ переселенцевъ. Надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы:—что я—бывшій офи-церъ одного изъ Восточно-Сибирскихъ полковъ, расположенныхъ во Владивостокѣ, а теперь, кажется, въ другомъ мѣстѣ. Фамилія моя не Веселовскій, а другая; по нѣкоторымъ причинамъ я принужденъ былъ достать себѣ чужой паспортъ... Впрочемъ, все это, можетъ-быть, вамъ не интересно?—спросилъ онъ меня, пуская густые клубы дыма.

— Напротивъ, я слушаю васъ съ удовольствіемъ и очень благо-даренъ вамъ за честь, которую вы мнѣ оказываете своимъ до-вѣріемъ!—поспѣшилъ я увѣрить его, боясь, что онъ раздумаетъ и не откроетъ мнѣ своей души. Съ этимъ я привсталъ на кро-вати, облокотясь на локоть, и приготовился слушать.

— Кажется, вамъ холодно?—произнесъ онъ, закрывая фор-точку.—Уже достаточно освѣжилось, даже нашъ Муромецъ начи-наетъ ѣжиться!

Дѣйствительно, Барабашъ пересталъ сопѣть носомъ и во снѣ старался натянуть на себя шкуры.

— Въ такомъ случаѣ я продолжаю,—проговорилъ онъ, юркнувъ подъ одѣяло.—Окончивъ кадетскій корпусъ въ Москвѣ, я вышелъ подпоручикомъ изъ училища прямо на Дальній Востокъ, куда меня невыразимо влекли дѣвственная, нетронутая природа и исключительныя условія жизни. Само собой разумѣется, я на-шелъ здѣсь то, чего искалъ. Дикій, первобытный край произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Все свободное отъ службы время я проводилъ въ горахъ и лѣсахъ, окружающихъ Амурскій и Уссурийскій заливы. Наконецъ попалъ, уже въ чинѣ поручика, въ командировку въ одну изъ интереснѣйшихъ мѣстностей, въ селеніе Алучино, окрестности котораго славились тогда обиліемъ всякаго звѣря и птицы. Я бродилъ со своей полуротой по тайгѣ и еще болѣе пристрастился къ бродячей жизни. Въ одну изъ экспедицій въ глухой тайгѣ мы случайно наткнулись на зимовье промышленника и заночевали тамъ. Хозяинъ пришелъ только черезъ день и принесе съ собой тигровую шкуру. Это и былъ Илья Барабашъ. Я съ нимъ тогда сошелся и полюбилъ этого добродушнаго силача...

Въ это время собаки залаяли, и Сибирлетъ вылѣзъ изъ-подъ кровати, просясь на дворъ.

Веселовскій набросилъ на себя одѣяло и вышелъ съ нимъ за дверь.

Вѣтеръ шумѣлъ съ прежнею силой, и тайга гудѣла.

Вскорѣ возвратился Александръ Ивановичъ, отряхиваясь отъ снѣга, и проговорилъ:—Пустяки,—ничего нѣтъ. Собаки всегда без-покойны во время бури.

Когда все успокоилось, и онъ улегся опять на кровать, заку-ривъ носогрѣйку, я не выдержалъ и первый спросилъ его:

— Какъ же вы сдѣлались трапперомъ и ушли съ военной службы? Если не устали еще, то расскажите.

— Подождите. Все по порядку расскажу. Открылась тогда китайская кампанія, и я съ полкомъ очутился въ Манчжуріи. Пришлось исколесить ее почти всю, но по красотѣ природы и богатству естественныхъ произведеній больше всего мнѣ понравилась Гириная провинція. Охота здѣсь роскошная, горы и дремучіе лѣса кишатъ всевозможнымъ звѣремъ. Приволье полное. Тогда уже въ полосѣ отчужденія нѣкоторые русскіе начали про-мышлять звѣря и послѣ окончанія китайской войны остались здѣсь, обратившись въ манчжурскихъ трапперовъ, каковыя су-ществовали когда-то въ Сѣверной Америкѣ и такъ художественно и поэтически описаны безсмертными писателями: Эмаромъ, Ку-перомъ и Майнъ-Ридомъ. Возвратившись послѣ кампаніи съ полкомъ въ Никольскъ, я вышелъ въ запасъ и, чтобы совер-шенно отречься отъ прежняго и поставить надъ нимъ крестъ, сжегъ свои корабли, то-есть купилъ во Владивостокѣ за де-сятъ рублей чужой паспортъ. Вы меня, конечно, осуждаете за это, но я иначе не могъ бы вести такую привольную жизнь. Знаете, родные, родственники, связи, знакомства—мнѣ все это опротивѣло; я рѣшилъ совершенно порвать съ про-шлымъ, то-есть умереть и родиться снова, но только безъ цѣ-пей культурныхъ условій жизни; официально я считался про-павшимъ безъ вѣсти—такія свѣдѣнія давала полиція на вопросы моихъ родныхъ и знакомыхъ. Жизнь въ лѣсахъ меня сильно измѣнила, такъ что теперь родная мать едва ли узнала бы меня. Впрочемъ, я покажу вамъ свою фотографическую карточку юно-шескихъ лѣтъ.—Съ этими словами онъ всталъ, вытащилъ ма-ленькій сундучокъ изъ-подъ кровати, порылся въ немъ и подаль мнѣ снимокъ кабинетнаго размѣра. На немъ изображенъ былъ молодой безусый офицеръ, почти мальчикъ. Наивно и весело смотрѣли на меня большіе глаза, но въ нихъ ничего не было похожего на теперешнее: передо мной въ дѣйствительности было суровое, мужественное лицо не мальчика, но сильнаго, могучаго человека.

— Да, васъ узнать невозможно,—сказалъ я, возвращая ему кар-точку.—Но развѣ васъ товарищи по полку или знакомые ни разу послѣ того не встрѣчали? Вѣдь они все же могли бы васъ узнать?

— Встрѣчались мы не разъ,—отвѣтилъ онъ, пряча карточку:— но никто меня не узналъ; правда, сейчасъ же послѣ выхода въ запасъ я на цѣлый годъ ушелъ въ тайгу къ Барабашу и не выходилъ оттуда даже въ деревню Анучино, хотя до нея было всего сорокъ верстъ. Теперь, если бы я и захотѣлъ вернуться къ прежнему, то не смогъ бы восстановить прежней связи, и меня непременно почли бы самозванцемъ, хотя прошло не такъ ужъ много лѣтъ. Нѣтъ! — продолжалъ онъ, поднявшись на локтѣ: — теперь только я понялъ смыслъ жизни; теперь только я живу, и мнѣ противно вспоминать фальшь и ненужныя условности такъ называемой культуры! Лучше смерть, чѣмъ возвращеніе къ прежнему. Я вполне доволенъ своимъ положеніемъ, сытъ, одѣтъ и во всемъ обязанъ только самому себѣ. Но вы не думайте, что я отрицаю деньги, напротивъ—я коплю ихъ, и у насъ съ Ильешей отложено уже въ Харбинскомъ банкѣ нѣсколько тысяченокъ. Охота здѣсь—занятіе прибыльное, если повести дѣло, какъ слѣдуетъ...

— Послушайте, кажется, мы съ вами мѣшаемъ спать вашему товарищу?—прервалъ я своего увлекавшагося собесѣдника, громкій голосъ котораго звучалъ, какъ труба, на всю комнату.

— О, нѣтъ! Вы его не знаете! — отвѣтилъ Веселовскій: — онъ спитъ, какъ двѣсти праведниковъ; хоть изъ пушки пали—онъ не проснется! Но вы навѣрное уже спать хотите, или я вамъ надоѣлъ рассказами о себѣ? Тогда я прекращу. Я вѣдь очень радъ вашему приходу. Въ кои-то вѣки приходится поговорить съ интеллигентнымъ человѣкомъ!

— Вотъ видите, вы сами противорѣчите себѣ: вѣдь интеллигентность—признакъ культуры, которую вы совершенно отрицаете! Будемъ говорить еще,—я спать не хочу,—проговорилъ я.

— Совершенно съ вами согласенъ,—возразилъ онъ:—но я отрицаю не самую суть культуры, а тѣ фальшивыя рамки и условія, въ которыя она ставитъ людей. Вы понимаете меня? Вѣдь чело-вѣчество стоитъ на ложномъ пути, оно далеко ушло отъ природы, создавъ себѣ искусственныя, ненормальныя условія жизни, и задыхается отъ недостатка воздуха въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Вы меня навѣрное спросите сейчасъ, зачѣмъ въ такомъ случаѣ мнѣ деньги, которыя я коплю? Да очень просто, зачѣмъ! Деньги мнѣ нужны, чтобы имѣть возможность пользоваться тѣми благами культуры, безъ которыхъ мыслящему человѣку жить трудно; вмѣстѣ съ тѣмъ эти же деньги дадутъ мнѣ возможность создать себѣ такія условія жизни, какія мнѣ нравятся.

Лампа наша начала коптѣть отъ недостатка масла, и Веселовскій долженъ былъ ее погасить совсѣмъ. Мы остались въ совершенной темнотѣ, только еле-еле мерещился слабый свѣтъ въ обледянныхъ стеклахъ оконныхъ рамъ.

Вѣтеръ усиливался; вся избушка вздрагивала отъ его напора. Лѣсъ шумѣлъ подобно рокоту волнъ бурнаго океана. Неугомонный сверчокъ продолжалъ за печкой свою трескучую пѣсню.

— Меня интересуетъ вашъ взглядъ на нѣкоторые вопросы, напримѣръ: отвѣтственность и долгъ передъ отечествомъ, религія и семейное начало...—проговорилъ я, замѣтивъ, что онъ смолкъ, ожидая съ моей стороны вопросовъ.

Наступило минутное молчаніе. Онъ раздумывалъ и, выколотивъ пепель изъ трубки на полъ, отвѣтилъ:

— Я глубокий патриотъ. Люблю свою родину, люблю народъ русскій (при этомъ онъ указалъ на расprostертое тѣло Барабаша) и готовъ отдать свою жизнь за него, если это понадобится. Долгъ свой передъ отечествомъ я не выполнилъ, это вѣрно, но теперь назрѣваютъ на Дальнемъ Востоку великія событія (это происходило въ концѣ 1903 года, и поговаривали уже о близкой войнѣ съ Японіей), и я опять становлюсь въ ряды нашихъ войскъ. Долгъ свой я выполню при первой возможности; ничѣмъ инымъ пожертвовать своей родинѣ не могу, какъ отдавъ самого себя. О религіи не спрашивайте: я атеистъ убѣжденный, хотя наружно стараюсь не показывать этого передъ Ильей, такъ какъ онъ въ высшей степени религіозенъ, и мнѣ не хочется оскорблять его хорошаго, чистаго чувства. Семейное начало, какъ вы сказали, я ставлю высоко во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя современный социализмъ и отрицаетъ его, но это одно изъ его крупныхъ заблужденій. Почти всѣ животныя, и тѣ живутъ семьями; какъ же человѣку, существу высшей духовной организаціи, отказаться отъ этого естественнаго, установленнаго самою природой начала! Лично я все же мечтаю о собственной семьѣ, но для этого мнѣ еще надо поработать.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я, чтобы дать другую тему разговора:—сколько вы имѣете прибыли отъ вашего промысла?

— Чистой прибыли?—переспросилъ онъ.—Какъ вамъ сказать? Рублей до тысячи набѣжить, можетъ-быть, въ годъ на каждого. Опять же много зависитъ отъ количества звѣря, отъ погоды и главное—отъ самого себя. Не будешь лѣниться—возьмешь звѣря или тамъ птицу; если же много на печи лежать, то и звѣря не видать. Недаромъ сложилась поговорка, что „волка ноги кормятъ“. Илья больше промышляетъ мясо: бьетъ кабановъ, изюбровъ и козъ. Нынче цѣна на мясо сильно пала, а вотъ прежде продавали на линіи рублей по пяти-шести пудъ. Я специализировался на добываніи пушнины: соболь, бѣлка, выдра, куница, рысь, лисица, енотъ, медвѣдь, вотъ это—мой звѣрьки, мое хозяйство. Тигра приходится добывать рѣдко,—ужъ очень умный и хитрый, подлець, но все же въ зиму одного-двухъ заполнешь. Выгодная статья! Вѣдь китайцы покупаютъ не только его шкуру, но и всю тушу; такимъ образомъ за стараго большого самца можно взять рублей

триста-четыреста. Мясо, кости, жиръ, внутренности и мозгъ идутъ у нихъ на приготовленіе какихъ-то особенныхъ лѣкарствъ. Говорилъ мнѣ одинъ знакомый звѣроловъ-манчжуръ, что кто отвѣдаетъ тигроваго сердца—сдѣлается такъ же отваженъ и силенъ, какъ тигръ. Конечно, все суевѣріе и предрасудки. А вотъ въ чудодѣйственную силу пантовъ я вѣрю. Вы, конечно, знаете, что панты это—молодые, еще не окостенѣвшіе, рога изюбра и оленя. Ихъ консервируютъ особымъ образомъ, сушатъ и приготавливаютъ лѣкарства. Несомнѣнно, это вещество помогаетъ при малокровіи, золотухѣ, старческой слабости и многихъ хроническихъ болѣзняхъ организма. Слѣдовало бы нашимъ медикусамъ обратить свое просвѣщенное вниманіе на лѣчебныя свойства этого продукта. Цѣна пантовъ довольно высока: одинъ фунтъ только что срѣзанныхъ съ убитаго звѣря стоитъ до 25 руб. Прошлымъ лѣтомъ мы продали одни большіе панты въ Нингутѣ за 800 руб. Ничего, жить здѣсь можно! Скучновато, это правда; иногда грусть-тоска гложетъ сердце, но на охотѣ все забывается, весь міръ людской кажется такимъ далекимъ: суета ихъ мелочной жизни не заходитъ подъ своды дѣвственнаго дремучаго лѣса,—ей здѣсь нѣтъ мѣста, какъ нѣтъ мѣста лжи, обману и отчаянію. Здѣсь человѣкъ возрождается душой и тѣломъ, крѣпнетъ и бодро смотритъ впередъ, не жалѣя о прошломъ и надѣясь на будущее... Однако уже два часа ночи!—возвышеннымъ голосомъ проговорилъ Веселовскій, пряча подъ подушку карманные стальные часы.

— А чтò,—отвѣтилъ я:—развѣ вамъ спать захотѣлось? Если не надоѣло, отвѣтите мнѣ еще на два вопроса.

— Съ удовольствіемъ! Пожалуйста, спрашивайте,—поспѣшилъ онъ увѣрить меня въ готовности удовлетворить мое любопытство.

— Какъ вы уживаетесь рядомъ съ хунхузами и мѣстными звѣроловами-манчжурами? — задалъ я ему вопросъ.—Вѣдь первые ненавидятъ русскихъ и мстятъ имъ за преслѣдованье, а вторые должны видѣть въ васъ конкурентовъ и опасныхъ соперниковъ по добычѣ звѣря.

— Чтò касается хунхузовъ, то вы правы: они ненавидятъ всѣхъ русскихъ, но рѣшаются трогать только тѣхъ, которые имъ дѣйствительно мѣшаютъ, мы же ихъ не трогаемъ и не служимъ для нихъ помѣхой, то-есть вѣрнѣе, они насъ не боятся, мы для нихъ не опасны, а тронуть насъ изъ озорства или какой-то тамъ отдаленной мести не стоитъ: хлопотъ и безпокойства не оберешься. Изрѣдка они заходятъ къ намъ; угостишь ихъ чаемъ, дашь имъ хлѣба, они затѣмъ опять уходятъ въ отдаленные лѣса. Въ общемъ, это народъ славный, справедливый и серьезный, зря никогда не обидятъ и не тронуть. Мѣстные звѣроловы-манчжуры никогда на насъ въ претензіи не были, такъ какъ хлѣба отъ нихъ мы не отнимаемъ, въ ихъ районахъ звѣря не добываемъ. Здѣсь лѣса и горы такъ обширны и пустыны, что промышленники, сколько бъ ихъ ни было, другъ другу мѣшать не будутъ. Со всѣми ими мы въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Ближайшій нашъ сосѣдь живетъ отсюда верстъ за десять. Древній старичокъ, лѣтъ подлѣ восемьдесятъ, а еще крѣпкій и бодрый, ходокъ и смѣлый охотникъ. Онъ часто къ намъ заходитъ, любитъ пить нашъ чай съ сахаромъ; хлѣбъ тоже любитъ и потѣшно жуетъ его своимъ беззубымъ ртомъ.

— Что этò за бумаги и газеты лежатъ тамъ на полкѣ?—обратился я къ моему замолчавшему и задумавшемуся собесѣднику.— Неужели вы здѣсь въ тайгѣ занимаетесь чтеніемъ? Развѣ вамъ хватаетъ времени?

— Мы выписываемъ одну мѣстную газету: „Харбинскій Вѣстникъ“,—отвѣтилъ Веселовскій:—затѣмъ изъ журналовъ: „Ниву“ и „Вѣстникъ Европы“, послѣдній специально для меня, такъ какъ я привыкъ къ этому журналу. Илью вѣдь я выучилъ грамотѣ и правиламъ ариметики, вообще стараюсь его развивать. Онъ очень способный. Вы не смотрите, что онъ такой грубый и тупой съ виду. Память у него не важная, но природный умъ восполняетъ этòт недостатокъ. Учится онъ съ охотой и прежде, бывало, отъ книжки не оторвешь, по ночамъ сидѣлъ. Раза два въ мѣсяцъ Илья ѣздитъ съ мясомъ на станцію Хайлинъ, тамъ и забираетъ всю почту, то-есть литературу, такъ какъ ни онъ ни я писемъ ни отъ кого не получаемъ. Можно было бы ѣздить почаще, если бъ разстояніе позволяло, а то сорокъ пять верстъ не ближній свѣтъ, жалко лошадей, да и времени на ѣзду уходитъ много. Ну, пора и честь знать! Простите за безпокойство и за то, что я такъ долго и жестоко злоупотреблялъ вашимъ терпѣніемъ... Спокойной ночи! — произнесъ онъ, завертываясь съ головой въ одѣяло, съ твердымъ намѣреніемъ заснуть.

Сонъ долго еще не приходилъ ко мнѣ. Вереницы думъ пронеслись въ головѣ моей, и послѣднія впечатлѣнія волновали еще мои нервы.

Въ избѣ раздавалось громкое храпѣніе Барабаша и завыванье вѣтра въ печной трубѣ.

Тайга глухо рокотала, ворча и злясь, какъ дряхлая старуха, жалующая на свое безсиліе передъ буйнымъ ураганомъ пустыни.

Долго и хорошо я спалъ, убаюкиваемый дикой пѣсней старой тайги. Проснулся поздно.

Солнце высоко стояло въ небѣ, и яркіе лучи его врывались въ комнату сквозь толстый слой льда, образовавшагося на окнахъ. Преломляясь въ немъ, они бросали на полъ красивый спектръ радужныхъ цвѣтовъ.

— Доброе утро! Вставайте да будемъ обѣдать! — произнесъ

Александръ Ивановичъ, хлопоча около плиты съ кастрюлями и тарелками.

Я посмотрѣлъ на часы,—было уже около одиннадцати, и вышелъ на дворъ. Барабашъ возился тамъ, обсмаливая туши кабановъ. Ёдкій дымъ клубами валилъ изъ-подъ черныхъ, закоптѣвшихъ боковъ битыхъ звѣрей. Пахло смоленымъ волосомъ.

— Ну, чтò, якъ ночь провели у насъ?—спросилъ меня великанъ, щурясь отъ дыма и поворачивая своими могучими руками грузное тѣло кабана, какъ перышко.

— Спасибо! Спалъ великолѣпно. Только мы, кажется, мѣшали вамъ своими безконечными разговорами?—отвѣтилъ я, подходя поближе.

— Ни-ни! Хиба жъ чоловіку можно помѣшать, когда винъ спать хоче?—возразилъ Барабашъ.— Вотъ вамъ мабудъ Александръ Ивановичъ не давалъ спать, все балакалъ зъ вами. Винъ дуже любить балакать, а не съ кѣмъ,—зо мною не разбалакаешся!

Рѣчь Барабаша представляла смѣсь малорусскихъ словъ съ російскими, и подчасъ его трудно было понять, хотя я и знаю языкъ Шевченка. Угостили меня на славу вкусными русскими щами изъ кислой капусты и шашлыкомъ изъ дикаго горнаго барана; послѣ обѣда ѣли консервированный ананасъ и пили чай.

Пока хозяева были заняты приготовленіями къ предстоящей охотѣ, я вышелъ на дворъ, чтобы осмотрѣть оригинальную охотничью ферму русскихъ людей въ Манчжуріи.

Возлѣ избы, сколоченной изъ толстыхъ кедровыхъ пластинъ, стоялъ такой же сарай, гдѣ помѣщались лошади обыкновенной здѣсь монгольской породы. Рядомъ съ сараемъ была маленькая банька. Тутъ же стоялъ другой сарай для склада мяса, гдѣ навалены были туши битыхъ кабановъ, изюбровъ и козъ; рядомъ съ баней была каменная пристройка—для копченія мяса.

Огромный стогъ сѣна возвышался на берегу рѣки. Все было устроено дѣловито, хозяйственно; видна была умѣлая, заботливая рука опытнаго хозяина, каковымъ, безъ сомнѣнія, являлся бывший землепашецъ, нынѣ звѣровой охотникъ Илья Барабашъ.

Забравъ съ собой всѣхъ собакъ, а ихъ у насъ набралось пять штукъ, мы двинулись по льду рѣчки и векорѣ подошли къ большимъ каменнымъ заваламъ, въ вершинѣ которыхъ лежалъ медвѣдь. Рыхлый снѣгъ затруднял движеніе, приходилось работать не только ногами, но и руками, цѣпляясь за кустарникъ и ползучія вьющіяся растенія. Собаки шли впереди, привязанныя къ одному смычку, находившемуся въ рукахъ Веселовскаго. Сибирлетъ нырялъ въ глубокомъ снѣгу рядомъ со мною. Отдыхали нѣсколько разъ, пока добрались до верху. Трущоба была страшная. Громадные камни, буреломъ, валежникъ и заросли дикаго винограда преграждали путь. Въ этихъ камняхъ лежалъ медвѣдь, котораго намъ предстояло вызвать. Спустили собакъ; онѣ сразу, какъ-будто знали, гдѣ звѣрь, бросились въ заросли и подняли тамъ лай. Мы расположились цѣпью вдоль камней и ждали появленія Михаила Ивановича Топтыгина.

Прошло около четверти часа, но медвѣдь не выходилъ. Тогда Барабашъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ полѣзъ къ собакамъ, чтобы заставить упрямаго звѣря покинуть берлогу. Лай усилился. Звѣрь не выдержалъ шума и гама, а главное—замѣтилъ вблизи охотника и бросился на него, подмявъ его подъ себя. Собаки дружно хватили звѣря сзади за „штаны“, но онъ, разсвирѣпѣвъ, билъ Барабаша своими страшными лапами. Мы не могли сразу стрѣлять, боясь ранить человѣка, но, улучивъ моментъ, когда звѣрь отгрызался на собакъ, выстрѣлили въ голову и уложили его навѣки. Много труда намъ стоило освободить бѣднаго Илью изъ-подъ тяжелой туши звѣря. Кое-какъ справились и подняли злополучнаго охотника. Онъ былъ сильно истерзанъ. Голова, лицо, руки и плечи зіяли кровавыми глубокими царапинами, но, къ счастью, кости остались цѣлы.

Разорвавъ рубашки, мы перевязали раны. Надо было удивляться силѣ и самообладанію Барабаша, такъ какъ только благодаря этимъ качествамъ онъ остался живъ.

Когда мы, успокоившись, разспросили его, какъ все произошло,

онъ рассказалъ, что запутался въ вѣтвяхъ винограда и упалъ, когда медвѣдь неожиданно навалился на него.

Все хорошо, чтò хорошо кончается, и набожный Илья долго

Торжество у старообрядцевъ, приѣмлющихъ священство Бѣлокрилицкой епархіи, 11 марта с. г. въ Петербургѣ. Хиротонія въ санъ епископа петроградскаго преосвященнаго Геронтія (въ міру Григорія Лакомкина), совершенная въ храмѣ на Громовскомъ старообрядческомъ кладбищѣ архіепископомъ московскимъ высокопреосвященнымъ Іоанномъ въ сослуженіи епископа рязанскаго преосвященнаго Александра и епископа нижегородскаго преосвященнаго Иннокентія.

Торжество у старообрядцевъ, приѣмлющихъ священство Бѣлокриницкой епархіи, 11 марта с. г. въ Петербургѣ. Хиротонія въ санъ епископа петроградскаго преосвященнаго Георгія (въ міру Георгія Лакомкина), совершенная въ храмѣ на Громовскомъ старообрядческомъ кладбищѣ архіепископомъ московскимъ высокопреосвященнымъ Іоанномъ.

истово крестился, благодаря Бога за избавленіе отъ смертельной опасности.

Выпотрошивъ звѣря и заваливъ его снѣгомъ, мы двинулись домой. Такъ какъ у раненаго все лицо было забинтовано, то мнѣ пришлось вести его подъ руки. Но случилось, что, поскользнувшись, я самъ опирался на могучую руку великана, при чемъ снѣгъ подтрунивалъ надъ собою, сравнивая себя съ слѣпою сивою кобылой, что стояла у охотниковъ въ конюшнѣ. Кое-какъ дотащились „до хаты“.

Какъ богатырь ни крѣпился, а пришлось ему лечь въ постель. Ночью его лихорадило, и температура повысилась, но къ утру спала, и благодѣтельный сонъ овладѣлъ имъ.

Къ обѣду слѣдующаго дня я помогъ Веселовскому привезти медвѣдя. Сняли шкуру и взвѣсили по частямъ тушу; оказалось восемнадцать пудовъ. Звѣрь былъ „съ вѣсомъ“ и внушалъ къ себѣ почтеніе. Пообѣдавъ съ гостепримными лѣсными бродягами, я свистнулъ своего Сибирлета, подружившагося уже съ хозяйскими псами, и зашагалъ къ сѣверо-востоку, направляясь къ себѣ домой, на станцію Ханьдаохедзы, куда призывали меня служебныя обязанности.

Съ удовольствіемъ вспоминалъ я время, проведенное въ далекой звѣровой избушкѣ у русскихъ „трапперовъ“, этихъ піонеровъ дикой первобытной тайги Манчжуріи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Солнечныя затменія

(По поводу затменія 4 апрѣля с. г.)

Очеркъ Н. С. Павловскаго. (Съ 4 рис. на стр. 283).

Къ самымъ эффектнымъ явленіямъ природы, производящимъ особенно сильное впечатлѣніе не только на человѣка, но и на весь животный міръ, принадлежатъ солнечныя затменія, когда среди бѣлаго дня блестящій дискъ солнца исчезаетъ на нѣсколько минутъ (не болѣе 6 минутъ) и на землю опускается темное покрывало ночи.

Теперь солнечныя затменія вызываютъ всеобщій интересъ, и ихъ съ любопытствомъ поджидаютъ тысячи зрителей, тогда какъ въ прежнія времена они вызывали панической страхъ, такъ какъ суевѣрному человѣчеству тогда казалось, что какіе-то демоны или сверхъестественныя чудовища собираются похитить съ неба благодѣтельное солнце. Чтобы избавить солнце отъ этихъ злыхъ духовъ, устраивались торжественныя молебствія съ религіозными шествіями, или же поднимался страшный шумъ.

Поэтому предсказанія затменій въ древности имѣли огромное значеніе, и ими занимались главнымъ образомъ жрецы, что особенно поднимало ихъ авторитетъ среди народной массы, невольно вѣрившей въ непосредственное общеніе ихъ съ богами. Въ Китаѣ задолго до Р. Х. была учреждена особая должность придворныхъ астрономовъ, на обязанности которыхъ лежало предсказаніе затменій. Въ самой древней священной книгѣ китайцевъ „Шу-кинъ“, написанной, по преданію, самимъ Конфуціемъ, разсказывается про трагическую участь двухъ придворныхъ астрономовъ Хи и Хо, которые „попразднили добродѣль и безпечно предались вину, забывъ о своихъ обязанностяхъ“, почему и не сообщили заблаговременно о солнечномъ затменіи, которое случилось въ правленіе императора Чунгъ-канъ въ послѣдній осенній мѣсяць, когда солнце находилось въ знакѣ (созвѣздіи) Скорпіона. Такимъ образомъ положенныя религіозныя церемоніи не могли состояться, и нерадивые астрономы поплатились за это свою жизнь.

Что касается истинной причины, вызывающей солнечныя затменія, то, по свидѣтельству Плутарха, о ней знали аѳиняне еще за три вѣка до Р. Х. Дѣйствительно, просматривая моменты солнечныхъ затменій, не трудно убѣдиться, что они случаются только въ новолуніе, т.-е. когда луна находится между землею и солнцемъ и отбрасываетъ отъ себя тѣневой конусъ, который проектируется на земную поверхность въ видѣ полосы, достигающей ширины до 200 километровъ. Если бы луна обращалась вокругъ земли въ той же плоскости, въ какой послѣдняя обращается около солнца, то каждое новолуніе она становилась бы между землею и солнцемъ, и мы наблюдали бы солнечное затменіе. Въ дѣйствительности же плоскость вращенія луны пересѣкается съ плоскостью вращенія земли только въ двухъ точкахъ, которыя называются узлами лунной орбиты. Эти узлы не остаются постоянными, а постепенно передвигаются по эклиптикѣ (видимый годовой путь солнца по небу), совершая полный оборотъ въ 18,6 года. Этотъ періодъ былъ еще извѣстенъ халдеямъ за шесть вѣковъ до Р. Х. и называется Саросомъ.

Такимъ образомъ полныя солнечныя затменія происходятъ тогда только, когда луна и солнце находятся одновременно въ одной изъ этихъ точекъ-узловъ, если же они находятся не въ самихъ узлахъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, то наблюдается частное затменіе. Но, кромѣ этихъ двухъ типовъ затменій, бываютъ еще кольцеобразныя затменія, когда луна и солнце находятся въ самомъ узлѣ, но діаметръ луннаго диска жителямъ земли кажется меньше діаметра солнца. Это случается, когда луна находится въ ареліи, т.-е. въ наибольшемъ удаленіи отъ земли. Тогда въ моментъ полной фазы около луны остается свѣтлый ободокъ солнечнаго диска. Такъ какъ луна движется по солнечному диску съ запада на востокъ, то лунная тѣнь вступаетъ на земную поверхность на западѣ и въ теченіе 4—5 часовъ передвигается къ востоку, гдѣ и покидаетъ нашу планету. Поэтому на западной границѣ тѣни затменіе наблюдается при восходѣ солнца, а на восточной—при закатѣ.

Что касается полныхъ солнечныхъ затменій, видимыхъ въ какой-либо точкѣ земной поверхности, то они являются чрезвычайно рѣдко: приблизительно одинъ разъ въ 200 лѣтъ. Такъ, Галлей въ 1715 году вычислилъ, что, начиная съ 20 марта 1140 года, т.-е. въ теченіе 575 лѣтъ, въ Лондонѣ не наблюдалось ни одного полного солнечнаго затменія, а въ Парижѣ послѣднее полное затменіе было въ 1724 году. Вообще же на земной поверхности наблюдается ежегодно въ среднемъ по 2—3 полныхъ солнечныхъ затменія, а въ продолженіе 18 лѣтъ, въ теченіе которыхъ узлы лунной орбиты описываютъ полный оборотъ по эклиптикѣ, происходитъ 41 полное затменіе, при чемъ по прошествіи этого періода затменія происходятъ приблизительно въ тѣ же дни года, какъ и 18 лѣтъ тому назадъ.

Что касается полныхъ солнечныхъ затменій, видимыхъ въ какой-либо точкѣ земной поверхности, то они являются чрезвычайно рѣдко: приблизительно одинъ разъ въ 200 лѣтъ. Такъ, Галлей въ 1715 году вычислилъ, что, начиная съ 20 марта 1140 года, т.-е. въ теченіе 575 лѣтъ, въ Лондонѣ не наблюдалось ни одного полного солнечнаго затменія, а въ Парижѣ послѣднее полное затменіе было въ 1724 году. Вообще же на земной поверхности наблюдается ежегодно въ среднемъ по 2—3 полныхъ солнечныхъ затменія, а въ продолженіе 18 лѣтъ, въ теченіе которыхъ узлы лунной орбиты описываютъ полный оборотъ по эклиптикѣ, происходитъ 41 полное затменіе, при чемъ по прошествіи этого періода затменія происходятъ приблизительно въ тѣ же дни года, какъ и 18 лѣтъ тому назадъ.

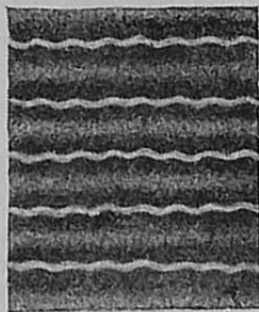
Однако, несмотря на то, что причина солнечных затмений была известна, они все-таки вызвали панику почти до середины прошедшего столетия, не говоря о дикарях, которые все еще приписывали эти явления злым духам, даже среди культурных народов Европы. Фонтенель в своем „Разговоре о множестве солнц и луны затмеваются черными когтями дракона, старающегося схватить эти светила. В продолжение этих явлений ржи лагающих, что такое богоугодное положение весьма способствует защитě светила от дракона. В Америке полагали, прибегали к всевозможным предѣлкам для укрощенія этого гнѣва. Да и в Европѣ полное затмение солнца в 1654 году порядкомъ напугало жителей, такъ что многие попрятались въ погребахъ“.

Пти рассказывает, что затмение 1560 года произвело во Франціи сильную панику, и жители попрятались на время затмения въ погреба, тщательно закрытые и наполненные благовоніями, такъ какъ распространился слухъ, что вся атмосфера во время затмения наполнится ядовитымъ, удушливымъ газомъ, а въ одной небольшой деревушкѣ население ожидало свѣтопреставленія и спѣшило съ покаяніемъ къ священнику, который, видя невозможно особенно спѣшить съ покаяніемъ, такъ какъ благодаря душевное заявленіе священника успокоило вѣрующихъ, и они, не торопясь, разошлись по домамъ.

Совсѣмъ другую картину описываетъ Араго при историческомъ затмении в 1842 году, когда, благодаря успѣхамъ науки, это вызвало живѣйшій интересъ даже у жителей бѣднѣйшихъ деревень Пиринеевъ и Альпъ.

Самъ Араго наблюдалъ это затмение у себя на родинѣ въ Пиринейскихъ горахъ въ деревнѣ Перпиньянѣ. Позволю себѣ привести наиболѣе интересныя мѣста этого описанія (Араго „Астрономія“, томъ III, стр. 406). „Въ Перпиньянѣ одни только тяжело больные остались въ своихъ комнатахъ,—пишетъ Араго.—Все народонаселеніе съ ранняго утра высыпало на террасы, валы и окрестныя возвышенности, откуда лучше надѣялись увидѣть солнце. Наконецъ наступило давно ожидаемое мгновеніе, и 20.000 человекъ съ закопченными стеклами въ рукахъ слѣдили за лучезарнымъ шаромъ, поднимавшимся по лазурному небосклону. Едва только мы, вооруженные сильными трубами, усмотрѣли маленькую выемку на восточномъ краю солнца, какъ вопли 20.000 голосовъ, слившихся между собой, возвѣстили намъ, гдѣ мы только нѣсколькими секундами предупредили наблюденіе, сдѣланное безъ трубъ двадцатью тысячами импровизированныхъ астрономовъ, впервые въ жизни взявшихся за астрономическое наблюденіе. Живое любопытство, соревнованіе и желаніе предупредить другихъ дали, кажется, особенную, необыкновенную силу естественному чувству зрѣнія. Послѣ этого до самаго времени, непосредственно предшествовавшего полному помраченію солнца, мы не замѣтили ничего особеннаго въ массѣ наблюдателей. Но когда солнце уже въ видѣ узкаго серпа стало изливаться надъ горизонтомъ только слабый свѣтъ, толпою овладѣло особаго рода безпокойство, при чемъ всякій чувствовалъ потребность сообщить окружающимъ свои собственныя ощущенія. Поднялся глухой шумъ, подобный шуму отдаленнаго моря, волнующагося послѣ сильной бури. Говоръ становился постепенно громче по мѣрѣ того, какъ серпъ солнца уменьшался. Наконецъ погасла послѣдняя свѣтлая точка; внезапная темнота смѣнила свѣтъ, и абсолютная тишина отмѣтила этотъ моментъ затмения такъ же вѣрно, какъ ударъ маятника нашихъ астрономическихъ часовъ. Явленіе своимъ дивнымъ величіемъ побѣдило страсти и всѣ посторонніе ощущенія, даже птицы и тѣ умолкли.“

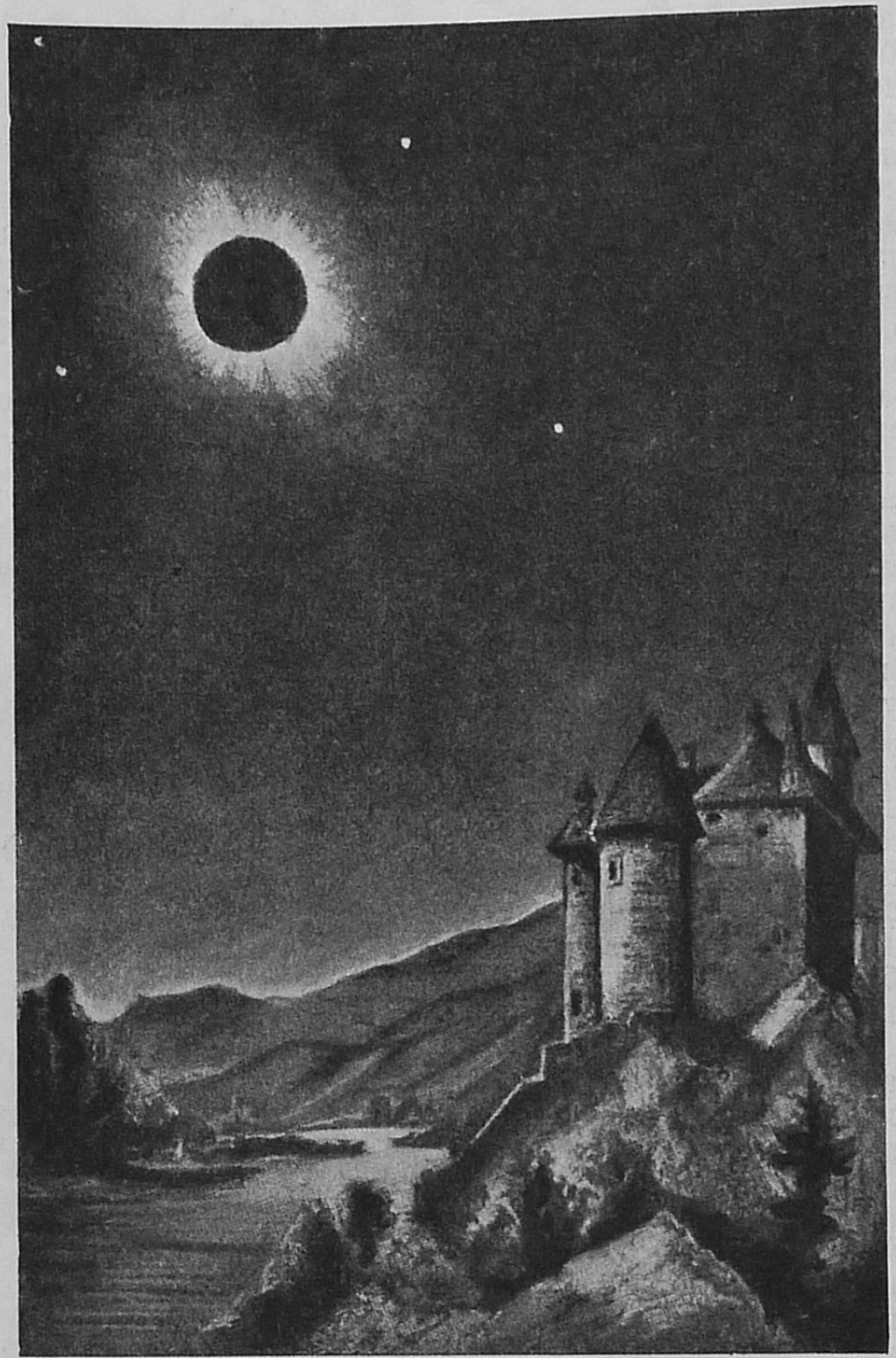
„Въ такомъ торжественномъ ожиданіи прошло слишкомъ двѣ минуты, какъ вдругъ общая шумная радость привѣтствовала первый лучъ солнца. Меланхолическія мысли, навѣяныя неизвѣстными

Летучія тѣни. (По П. Фаура).

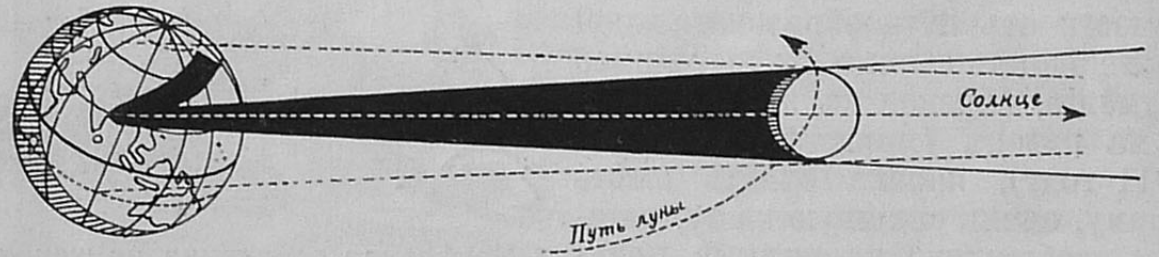
мымъ ощущеніемъ, смѣнились живою радостью, порывовъ которой никто не думалъ ни удерживать ни умѣрять.

„Для большинства зрителей явленіе закончилось. На другой день тѣ, которые въ моментъ внезапнаго исчезновенія солнца казались наиболѣе пораженными,

Общій видъ солнечнаго затмения. (По Покровскому).

черезчуръ подсмѣивались надъ разказами о страхѣ, обуявшемъ нѣкоторыхъ крестьянъ. Замѣчательно, что эти необразованные люди испугались не ожиданія конца міра и не разрушенія природы. На мои вопросы о причинахъ обуявшаго ихъ страха они

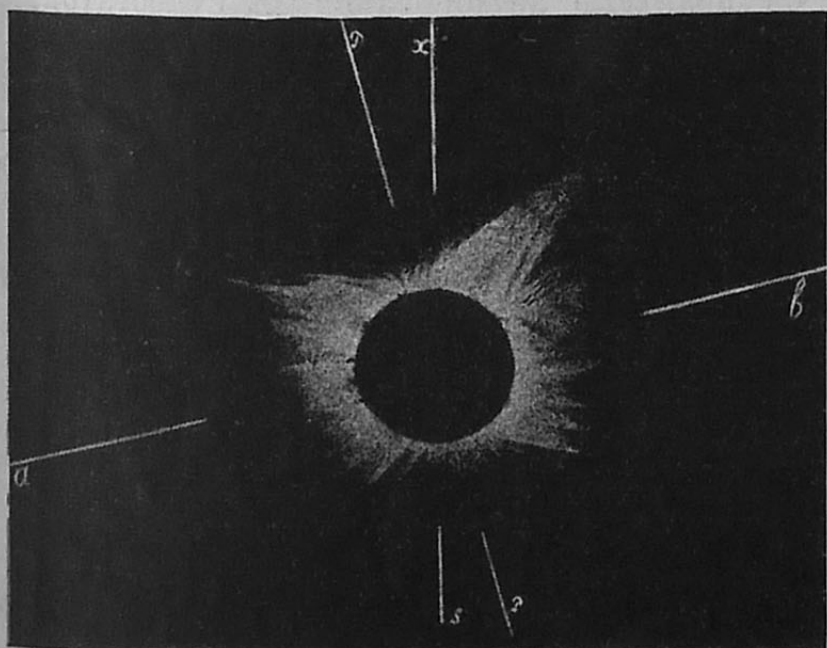
Движеніе конуса лунной тѣни по поверхности земли.

отвѣчали: „Небо было ясно, а дневной свѣтъ уменьшался, и предметы темнѣли; потомъ вдругъ наступила темнота ночи,—мы думали, что мы ослѣпли“.

Вообще это затмение 1842 года было первое, которое вызвало всеобщій живой интересъ у астрономовъ. Это, возможно, объясняется отчасти тѣмъ, что центральная полоса полной фазы затмения прошла по всей Европѣ и Азіи, такъ что ѣхать на затмение было недалеко, и многія большія обсерваторіи—Пулковская, Парижская и т. д.—послали для наблюденій спеціальныя экспедиціи, такъ что это затмение наблюдалось со многихъ пунктовъ опытными астрономами. Результаты наблюденій превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Когда луна закрыла совершенно солнце, то вокругъ темнаго диска, кромѣ нѣжно-серебристаго вѣнца короны, хорошо описанной еще Плутархомъ, всѣ наблюдатели замѣтили розоватыя выступы (на подобіе языковъ пламени), которые привели въ недоумѣніе всѣхъ астрономовъ, такъ какъ ихъ появленія никто не ожидалъ, хотя профессоръ Вассеніусъ на нихъ указывалъ еще при затмении 1733 года, но его описанія за давностью были всѣми позабыты.

Но что представляютъ изъ себя эти таинственные выступы—никто не могъ сказать. Одни наблюдатели считали ихъ за лунныя горы, а другіе—за образованія солнечной поверхности, но ни тѣ ни другіе доказать правильность своихъ предположеній не могли, и потому всѣ съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующаго затмения 1851 года, для наблюденія котораго обсерваторіи снарядили въ Швецію спеціальныя экспедиціи для выясненія происхожденія этихъ таинственныхъ выступовъ, получившихъ впоследствии названіе протуберансовъ.

Экспедиціи успѣшно выполнили возлагавшіяся на нихъ задачи. Было выяснено, что выступы-протуберансы—не лунныя горы, а образованія солнечной поверхности; но окончательно подтвердили эти результаты только фотографическіе снимки выступовъ, полученные Секки и Деляромъ во время затмения 1860 года.

Видъ солнечной короны. (По Ганскому).
a b—направленіе солнечнаго затмения.

Однако до 1868 года свѣдѣнія наши о формѣ и природѣ выступовъ были крайне ограничены, такъ какъ ихъ наблюдали только въ теченіе нѣсколькихъ минутъ во время полныхъ солнечныхъ затменій. Въ 1868 году былъ сдѣланъ крупный шагъ въ дѣлѣ изученія солнечныхъ выступовъ.

Жансенъ, наблюдая въ спектроскопъ выступления во время затменія этого года, показалъ, что выступления можно наблюдать черезъ расширенную щель спектроскопа и безъ затменія при полномъ блескѣ солнца. Къ этимъ же результатамъ независимо отъ Жансена пришелъ на основаніи теоретическихъ соображеній извѣстный англійскій астрофизикъ Нормандъ Локьеръ.

По случайному совпадению, сообщеніе Локьера и извѣщеніе Жансена о возможности наблюдать солнечные выступления безъ затменія были выслушаны Парижской Академіей Наукъ въ одномъ и томъ же засѣданіи.

Однако, научившись наблюдать выступления-протуберансы ежедневно, астрономы никакъ не могутъ до сихъ поръ подмѣтить солнечную корону внѣ затменій. Бывшій пулковскій астрофизикъ А. П. Ганскій, желая получить фотографію спектра короны безъ затменія, специально для этого подымался на вершину Монблана (высота 4.500 метровъ), гдѣ Жансеномъ среди вѣчныхъ снѣговъ на льду была устроена солнечная обсерваторія. Ему удалось уже получить намеки на спектръ короны, но преждевременная смерть прервала эти интересныя работы, лишивъ астрономію энергичнаго и талантливаго изслѣдователя солнца. А. П. Ганскій, бывшій столько разъ на краю гибели во время своихъ трудныхъ и опасныхъ восхожденій на Монбланъ, погибъ въ Симеизѣ въ волнахъ Чернаго моря во время купанья.

Въ настоящее время одной изъ главныхъ цѣлей астрономовъ, отправляющихся наблюдать полныя солнечныя затменія, это—изслѣдованіе строенія и формы короны, которая, какъ показалъ въ 1900 году А. П. Ганскій, измѣняется въ зависимости отъ пятнообразовательной дѣятельности солнца. Въ нынѣшнее затменіе, близкое къ эпохѣ минимума пятенъ (минимумъ былъ въ 1911 году), корона будетъ имѣть форму, очень похожую на ту, которая изображена на снимкѣ, полученномъ А. П. Ганскимъ на Новой Землѣ во время затменія 1896 года.

Но, кромѣ этихъ чисто астрономическихъ задачъ, въ программу наблюдений солнечныхъ затменій входятъ также наблюденія надъ вліяніемъ, производимымъ затменіями на окружающую флору и фауну.

Большинство наблюдателей единогласно свидѣтельствуетъ, что съ наступленіемъ полного затменія, когда послѣдній лучъ солнца потухнетъ, среди животныхъ наблюдается нѣкоторое волненіе: собака жметъ къ ногамъ своего хозяина, насѣдка прячетъ подъ крылья цыплятъ, летучія мыши, обманутыя темнотою, оставляютъ свои убѣжища, какъ-будто бы наступила ночь. Майоки рассказываютъ, что „пчелы, вылетѣвшія въ большомъ количествѣ изъ улья при восходѣ солнца, возвратились туда даже нѣсколько раньше наступленія полного затменія и вновь вылетѣли уже послѣ того, какъ солнце вновь приобрѣло свой прежній блескъ“.

Любопытныя наблюденія были произведены Фрессомъ старшимъ во время затменія надъ муравьями. Онъ замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ солнечный блескъ ослабѣвалъ, быстрота работы этихъ насѣкомыхъ уменьшалась. Въ моментъ исчезновенія солнца муравьи, не покидая своихъ ношъ, остановились и только съ появленіемъ свѣта возобновили свою работу.

Многіе наблюдатели пытались объяснить волненія среди животныхъ страхомъ передъ такъ называемыми летучими тѣнями (см. рис.), которыя, когда погаснетъ послѣдній лучъ солнца, со страшной быстротой проносятся по воздуху. Чѣмъ вызываются летучія тѣни—пока въ точности неизвѣстно.

Совершенно новый любопытный вопросъ выдвинуло затменіе 1878 года, которое хорошо было видно въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ и, между прочимъ, въ Денверѣ (Скалистыя горы), гдѣ его наблюдали астрономы Ватсонъ и Свифтъ. Эти астрономы въ моментъ затменія нашли около солнца два таинственныхъ объекта, принятые ими за интромаеркуріальныя планеты, присутствіе которыхъ между солнцемъ и Меркуриемъ предположилъ въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія знаменитый астрономъ Леверье для объясненія періодическаго смѣщенія перигелия орбиты Меркурія (извѣстно, что благодаря подмѣченнымъ неправильностямъ въ движеніи Урана Леверье открылъ въ 1846 году у себя въ кабинетѣ новую планету Нептунъ). Вполнѣ понятно, какую сенсацию произвело въ астрономическомъ мѣрѣ извѣстіе объ этомъ открытіи Ватсономъ и Свифтомъ гипотетическихъ планетъ. Однако повѣрка наблюдений показала, что это была звѣзда созвѣздія Рака. Между тѣмъ толчокъ былъ данъ, и въ программу экспедицій для наблюденія затменія 1883 года входили розыски этихъ гипотетическихъ планетъ или планеты, которую уже поторопились назвать Вулканомъ. Гамбургская экспедиція для наблюденія въ Испаніи затменія 17 августа 1906 г. предназначила двойной телескопъ, специально построенный для этой цѣли въ знаменитыхъ мастерскихъ Цейса. Но розыски интромаеркуріальныхъ планетъ во время затменій солнца оказались безрезультатными.

Въ заключеніе позволю себѣ указать на ту услугу затменій, которую они могутъ оказать въ исторіи при опредѣленіи момента того или иного историческаго событія, во время котораго случилось затменіе. Такъ, при помощи вычисленій была точно опредѣлена дата битвы между мидянами и лидійцами, во время которой, какъ повѣствуетъ Геродотъ, случилось солнечное затменіе, „поразившее ужасомъ обѣ противныя арміи и имѣвшее послѣдствіемъ возстановленіе мира между враждующими народами“. Плиніи и Цицеронъ полагали, что эта битва была въ 585 году до Р. X. Вычисленія солнечныхъ затменій позднѣйшихъ временъ показали, что битва могла быть не раньше 629 и не позже 525 годовъ до Р. X., точная же дата полного солнечнаго затменія, видимаго въ Малой Азіи, гдѣ происходила битва,

30 сентября 610 года до Р. X. Это и есть годъ, въ который произошла битва между мидянами и лидійцами. Въ настоящее время благодаря подробнымъ вычисленіямъ Гинцеля извѣстны всѣ затменія за періодъ классической эпохи, т.-е. отъ 900 года до Р. X. и до 600 года послѣ Р. X.

С М Ъ С Ъ.

На помощь голодающимъ. Нами получено воззваніе о помощи крестьянскому населенію Тюменскаго уѣзда Тобольской губ., пострадавшему отъ неурожая.

Во многихъ селеніяхъ уѣзда люди ѣдятъ черезъ день одинъ только хлѣбъ и тотъ часто съ примѣсью неудобоваримыхъ суррогатовъ. Скотъ гибнетъ массою отъ безкормицы.

Мѣстнымъ Комитетомъ Россійскаго Общества Краснаго Креста обезпечено до 1 мая питаніе 1.460 лицамъ, еще будетъ открыто болѣе 10 столовыхъ на 1.500 человекъ, и тѣмъ средства Комитета окончательно исчерпываются. Остаются неудовлетворенными и обреченными на голодовку и связанными съ нею болѣзнями еще нѣсколько тысячъ человекъ. Заботясь объ оказаніи помощи комъ, Комитетъ и обращается къ добрымъ людямъ и проситъ оказать помощь голодному брату во Христѣ.

Пожертвованія просятъ направлять въ гор. Тюмень Тобольской губ. Тюменскому Отдѣлу Россійскаго Общества Краснаго Креста.

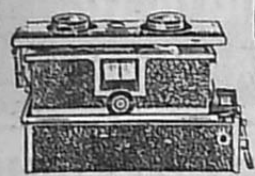
А. П. Философова
(† 17 марта с. г.).

Извѣстная поборница за женское равноправіе, болѣе полувѣка проработавшая на этомъ поприщѣ; учредительница Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Голуби. Семена Юшевича. (Продолженіе). — Весеннимъ днемъ. Стихотвореніе Владиміра Нарбуто. — И. Н. Крамской. Очеркъ затменія (По поводу затменія 4 апрѣля с. г.). Очеркъ Н. С. Павловскаго. — Смѣсь. — Объявленія.
Р И С У Н К И: Старикъ. — Неутѣнное горе. — Портретъ художника И. И. Шишкина. — Христосъ въ пустынѣ. — Иванъ Николаевичъ Крамской (портретъ и 2 рисунка). — Торжество у старообрядцевъ, приемлющихъ священство Бѣлокриницкой епархіи, 11 марта с. г. въ Петербургѣ (2 рисунка). — Солнечныя затменія (4 рисунка). — А. П. Философова.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Апрѣль 1912 г.; 2) „ПАРИЖОНІЯ МОДЫ“ за Апрѣль 1912 г. съ 40 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выпр. въ натур. величину и 36 рис. дамскихъ рукодѣлій.

НЕЗАМѢНИМО ВЪ ПУТЕШЕСТВІЕ

ЛОИСКОПЪ
ИДЕАЛЬНЫЙ
СТЕРЕОСКОПИЧ.
АППАРАТЪ.

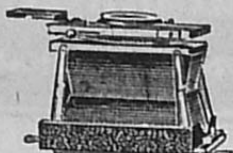
КРАУСЪ

БИН ОКЛИ
ПРИЗМЕННЫЕ — ОБЫКНОВЕННЫЕ

Е. КРАУСЪ — С. ПЕТЕРБУРГЪ УЛ. ГОГОЛЯ 5.

Каталогъ № 5 бесплатно.

БЕБЕ
КАРМАННАЯ
КАМЕРА.

**ИДЕАЛЬНОЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.**

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest**. Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

ПРОВЕДИТЕ ЛѢТО

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ!

Справки и иллюстрированные путеводители по Швейцаріи и брошюры для отдѣльныхъ курортовъ и минеральныхъ водъ, свѣдѣнія о гостиницахъ, пансіонахъ и пр. выдаетъ бесплатно

Официальное Швейцарское Справочное Бюро.
СПбургъ, Михайловск., 1 (уг. Невскаго).

ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ И СПАЛЬНЫХЪ МѢСТЪ
ДЛЯ ВСЕЙ ЕВРОПЫ.

Всегда прелестно
освѣжаетъ.

Въ долгомъ пути
на желѣзной дорогѣ,

вообще въ каждомъ путешествіи (въ вагонѣ, на кораблѣ и т. п.) слѣдовало бы всегда имѣть при себѣ флаконъ **№4711** о-де-колона съ синимъ ярлыкомъ.

№4711 универсальное туалетное и освѣжительное средство. Очищаетъ и освѣжаетъ порченный и тяжелый воздухъ, дѣлая пребываніе въ душливомъ вагонѣ приятнымъ.

Воспользоваться слѣдуетъ исключительно **№4711**. Изготовляется по собственному рецепту съ 1792 г.

Цѣна флакона 60 коп.,
1 руб., 1 руб. 50 коп.

**Eau de
Cologne**

— Verlangen Sie — reich illustr. Katalog

**für
ANGELSPORT**

H. Stork,

München XVII, Residenzstr. 15.

mit Anleitungen, 2000 Abbildungen, farbiger Fliegentafel gegen 60 Kopeken in Briefmarken.

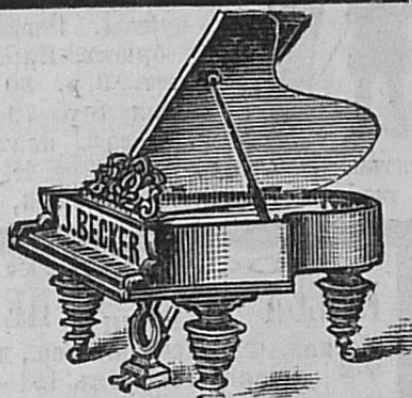

РОЯЛИ И ПИАНИНО

Я. БЕККЕРЪ

С.-Петербургъ, Морская, 35
Каталогъ № 21 по востребованію.

86083 10-8

Висбаденъ, Майнцерштрассе, 3.

Санаторія Д-ра Пауля Гурадзе

Хирургическо-ортопедическая частная клиника

Лѣченіе неправильностей и искривленій: кривошеи, искривленій позвоночника, врожденнаго вывиха тазобедреннаго сустава, искривленій ногъ (въ видѣ буквъ X и O), косолапости, плоской стопы и проч.; новообразованныхъ и застарѣлыхъ переломовъ и вывиховъ, болѣзней костей и суставовъ (воспаленіе тазобедреннаго и колѣннаго суставовъ); разстройства двигательныхъ функций и параличей.

Рентгеновскій кабинетъ. Медико-механическія залы. Ортопедическія мастерскія. Всевозможныя ванны и физическія методы лѣченія.

Вновь устроенъ: эманаторій радія для лѣченія подагры, ревматизма, ишіаса и невралгій.

Требуйте проспекты.

ЗА МОЙ СЧЕТЪ

ПРЕДЛАГАЮ ВАМЪ ИСПЫТАТЬ ОЧЕНЬ ЦѢННОЕ СРЕДСТВО

Если Вашъ желудокъ плоховаритъ, Если Вы страдаете катарромъ, ЗАПОРАМИ, геморроемъ, вздутіемъ живота, тошнотой, изжогой, головн. болями, если Вашъ организмъ истощенъ, разслабленъ и Вы вслѣдствіе этого нервны, раздражительны, подавлены, — сообщите мнѣ открыткой Вашъ адресъ и я вышлю Вамъ необходимыя указанія и **пакетъ очень цѣннаго средства,**

которое избавитъ Васъ отъ Вашихъ страданій. Я долго работалъ надъ этимъ вопросомъ и предлагаю свой трудъ страдающимъ для ознакомленія **БЕЗПЛАТНО.**

Не откладывайте, напишите мнѣ сегодня же. Мой адресъ: Д-ръ мед. Антонъ Мейеръ, Хим. Лаб., Петербургъ, Екатерининскій кан., 29/17.

КРУПНѢЙШЕЕ

ФИРМОВЫЙ ЗНАКЪ

Утвержденъ Министерствомъ Торговли и Промышленности.

въ Россіи Ателье А. М. Х.-Дроздова въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 67, предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

ВСѢ ПОРТРЕТЫ ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ СОБСТВЕННЫМИ ХУДОЖНИКАМИ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполненный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; акварелью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстука. Заказы съ оригиналами высылаются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. За многолѣтнюю и добросовѣстную дѣятельность въ Ателье имѣются десятки тысячъ благодарственныхъ писемъ и лестныхъ отзывовъ. Адресовать только въ

ГЛАВНУЮ КОНТОРУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АТЕЛЬЕ А. М. Х.-ДРОЗДОВА,
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, 67—7, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Телѣф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г.

Салитъ для втиранія Ревматическія боли, Ломота, Прострѣль.

Въ аптекахъ и аптекарск. магаз. флак. 70 коп.

НОВОСТЬ! Автом. метал. Брюко-Гладитель. Глад. брюки са-мостоят. черезъ ночь и даетъ элѣгант. фасонъ. Туж. и умѣне не пужны. Регулируется для всѣхъ брюкъ. Пара съ вѣшалк. комплет. 3 р. 50 к. съ перес. (3 комп. 8 р. 70 к. съ перес.). Вис. налог. платеж. безъ за-датка. **Винент. Петр. ЕЖЕВСКІЙ.** Варшава, X. Гожая, 72.

МОСКОВСКАЯ КАСА взаимно НЕВѢСТЪ. Москва, Фуркасовскій пер., домъ Кононов. Телефонъ 191-14. Существуетъ съ 1-го мая 1902 года, обезпечиваетъ приданымъ отъ 100 до 3000 р. Къ обезпечиванію принимаются дѣвочки въ возрастѣ отъ рожденія до 10 лѣтъ. Записываться могутъ всѣ лица безъ различія званія и вѣрноповѣданія, проживающіе въ Имперіи. Плата отъ 15 коп. въ мѣсяцъ. Уставъ утвер-жденъ Правительствомъ и высылается за 7 коп. марку. Касса не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей и на-считываетъ въ своемъ составѣ 1200 членовъ, обезпечивающихъ 1450 не-вѣстъ на сумму 995.000 руб. Всѣ ка-питалы кассы хранятся въ Государ-ственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ

НОВѢЙШЕЕ ВНУТРЕННЕЕ СРЕДСТВО

"АРОВИНЪ"

ВЪ КАПСЮЛЯХЪ **ГЕДЕКЕ и К°**

Дѣйствуетъ быстро и энергично, успокаиваетъ боль, не распространяетъ дурного запаха изо рта и совершенно без-вреденъ.

Рекомендуется одина-ково въ хроническихъ и острыхъ случаяхъ, также при

Средство это испытано многими врачами, про-дается въ металлическихъ коробкахъ. Большая ко-робка 1 р. 50 к., малая коробка 1 рубль.

Продажа въ аптекахъ и ап-текарскихъ магазинахъ.

ХОРОШО—ДЕШЕВО А ДАЖЕ БЕЗЪ ДЕНЕГЪ можно купить только у фирмы

"Ормондъ"

Постоянно на складѣ 2000 штукъ самыхъ лучшихъ въ мірѣ велоси-педовъ и мото-циклетокъ.

Цѣны безъ конкуренціи. Первокласные велосипеды изящ-ной работы отъ 79 руб. Разсрочка на велосипеды до 30 мѣ-сяцевъ отъ 3 р. 50 к. безъ задатка. На мотоциклетки до 24 мѣсяцевъ. Самый крупный велосипедный

"Торговый Домъ Ормондъ" Варшава, Новый-Свѣтъ, № 72.

Отдѣленіе въ гор. Лодзи: Променадная ул., № 40.

Богато иллюстрированные прейсъ-куранты безплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
Поставщикъ Двора Его Величества

С-ПЕТЕРБУРГЪ: Невскій пр. 23
МОСКВА: Кузнецк. м. уг. Неглинн.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106 БЕЗПЛАТНО.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ "ДИАНА"

ТОРГОВАГО ДОМА

Ж. Феттеръ и Е. Тижкель.
Москва, Театральн. проездъ, домъ Блохиной.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ по первому требованію высылается безплатно.

СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ **ПЕЛЬ** и СЫНОВЬЯ
С ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР. 7 ЛИН. Д. № 18.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

(ПРОСТОЛ-РОЕНЪ)

Суппозитори (свѣчки) противъ ГЕМОРРОЯ. Останавливаютъ КРОВО-ТЕЧЕНІЕ. Укрѣпляютъ слизистую оболочку и способствуютъ сморщи-ванію и исчезновенію шишекъ. Устраняютъ: БОЛЬ, ЗУДЪ и ЖЖЕНІЕ. Оказы-ваютъ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЕ дѣйствіе.

Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Натуральная минеральная вода

VICHY ETAT VICHY VICHY ETAT

Источники принадлежатъ Французскому Правительству. Остерегаться поддѣлокъ и точно обозначать источникъ.

VICHY CÉLESTINS Бользни почекъ, моче-вого пузыря. Желудокъ.

VICHY GRANDE GRILLE Бользни пече-ни и желчнаго пузыря.

VICHY HOPITAL Бользни пищева-рительныхъ органовъ же-лудка и кишекъ

Головной и спинной мозгъ составляютъ центральную часть нерв-ной системы. Нервнось, нервная слабость, неврастенія, истерія про-исходятъ отъ заболѣванія нервныхъ стволовъ, пронизывающихъ все тѣло, и выражаетъ собой ослабленную и ненормальную дѣятельность головного и спинного мозга. Большею частью она приобрѣтается отъ слишкомъ боль-шого напряженія силъ, многочисленныхъ заботъ и потрясеній. Надо забо-титься о подходящемъ питаніи мозга, о возстановленіи истраченного эле-мента его,—**фосфора**, безъ котораго, по выраженію знаменитаго фило-софа Молешота, не рождаются мысли. Фосфоръ вызываетъ богатство мысли, остроту мысли, памяти; повышаетъ умственную дѣятельность, уси-ливаетъ энергію организма. Только усиленное употребленіе подходящаго питательнаго препарата можетъ помочь дѣлу. Такой матеріалъ, и въ са-мой рациональной формѣ, даетъ намъ

"КОРДІАЛИНЪ"

Д-ра мед. **К. ГАРТМАНА**, С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 57. Н.—123.

высылающаго безплатно популярную брошюру о нервныхъ болѣзняхъ и достаточное количество **КОРДІАЛИНА** для пробнаго лѣченія.

90 рублей въ мѣсяцъ

заработка для всѣхъ при удобной домаш-ней работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Усло-вія вѣд. высылаемъ безплатно.

Международное товарище-ство вязальныхъ издѣлій, Варшава, Новогородская, 9-12.

ПНЕВМАТИЧЕСКОЙ СКЛЕПКИ БОЧКИ

жѣлзныя, лужо-ныя, оцинкован-ныя, для всевоз-можныхъ жидко-стей, съ гарантіей за прочность, цѣ-ны вѣд. конкурен-ціи. Перепро-давать свидѣ-Изготов. заводъ А. ДАНГАУЕРЪ, Москва, Благуща, Нико-лаевская ул., соб. домъ. Городской конторы не имѣю.—Прейсъ-куранты безплатно.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

МГНОВЕННО ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
УТВ. ФАБР. МАРКА
БАРХАТИСТОСТЬ И МЯГКОСТЬ КОЖИ

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА КОСТА

ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА. Ц. 75 К.

Тысячи лестныхъ отзывовъ и благодарностей.

Главн. скл. Борель, СПб., Мойка, 56, кв. 54.

Д-ра **ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ**

„Маріенбадскія Редукціонныя Пилули“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ короб-кахъ краснаго цвѣта съ описа-ніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

„Коммерческая Энциклопедія“
ОБЩЕДОСТУПНЫЕ
ЗАОЧНЫЕ

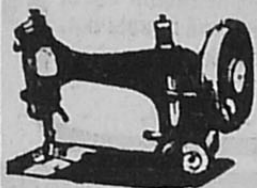
КУРСЫ

БУХГАЛТЕРИИ
и
КОММЕРЧЕСКАГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОГРАММА: СЧЕТОВОДСТВО (Двойн. Итальянск. Бухгалтерия),
Коммерч. Арифметика, Коммерч. География, Торговое ПРАВО,
Корреспонденция, Товаровѣдѣніе и СТЕНОГРАФІЯ.
Разсрочка. АТТЕСТАТЪ. Проспектъ БЕЗПЛАТНО.
Редакция „Коммерческой Энциклопедіи“, Спб., 8-я линия, 23—Р.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса, Професс. Каллиграфіи Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

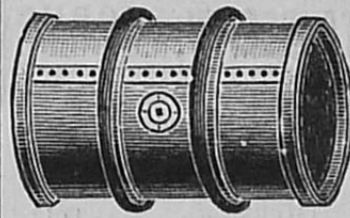

Можно получить изъ обширнаго одесскаго склада швейныхъ машинъ новѣйшихъ конструкций и наилучшаго качества по фабричнымъ цѣнамъ. По требован. высылаютъ бесплатно каталогъ на русскомъ языкѣ. Кто получить каталогъ, будетъ пораженъ дешевой фабричныхъ цѣнъ. Адресъ: фабричный складъ швейныхъ машинъ ИСААКА ГОРНШТЕЙНЪ въ Одессѣ. 10-1

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ

ручной

не пневматической скелпки. Желѣзныя, дуженыя, оцинкованныя для перевозкы и хранения всевозможныхъ жидкостей изготовляетъ наивысшаго качества и безукоризненнаго исполненія заводъ

Г. РЮЛИНГЪ, (1)
Тел. 65-56. Москва, Мясницкая, уг. Злат. пер.
Прейсъ-курантъ бесплатно.

ВЕЛОСИПЕДЫ, МОТОЦИКЛЫ,

ЧАСТИ для мастерск.

— О. П. КАВСКІЙ —

Москва, Петровка, 22.

Требуйте прейсъ-куранты.

ЛЫСЫ ЛИ ВЫ?

или
когда Ваши волосы выпадаютъ,
тогда прочтите замѣчат. предложеніе.
Разсылка 10000
пробныхъ банокъ.

У меня десятки тысячъ друзей во всемъ мірѣ и во всѣхъ національностяхъ. Я никогда не видѣлъ ихъ и они никогда не видали меня. Я только знаю ихъ посредствомъ ихъ писемъ, ихъ благодарственныхъ отзывовъ, ихъ рекомендацій и ихъ заказовъ, которые они посылаютъ мнѣ.

Волосы выросли на головахъ у тѣхъ, которые были лысы много лѣтъ.

Это необыкновенное утвержденіе; я никогда не бралъ бы на себя отвѣтственность, но обращаю Ваше вниманіе на огромное число ежедневно получаемыхъ мною изъ всего свѣта благодарственныхъ отзывовъ; если пожелаете, могу прислать Вамъ копию такихъ писемъ. Мое вѣрное средство для рошенія волосъ приостанавливаетъ выпаденіе волосъ и удаляетъ перхоть и парши; возвращаетъ волосамъ натуральный цвѣтъ, даетъ рошеніе бородъ, усамъ и бровямъ. Оно совершенно безвредно и дѣйствуетъ быстро и съ успѣхомъ. Мое средство для рошенія волосъ употребляется обоими полами всякаго возраста и состоянія.

Выпишите пробную банку.

Достоинство моего настоящаго средства для рошенія волосъ въ самомъ препаратѣ. Если Вы желаете сами убѣдиться въ дѣйствительности моего средства, достаточно написать мнѣ закрытое письмо со вложеніемъ 7. 7-ми коп. марокъ, по полученіи которыхъ я Вамъ вышлю большую пробную банку моего вѣрнаго волосорастителя, одинъ кусокъ „Мыло-Берлей“ противъ перхоти и 1 порошокъ для мытья головной кожи и всѣ составляющія. На письма безъ марокъ отвѣта не послѣдуетъ.

Ничто такъ не можетъ убѣдить, какъ личный опытъ. Цѣль этого предложенія убѣдить Васъ насколько оно можетъ принести дѣйствительную пользу.

Я былъ лысымъ—оно излѣчило меня и оно излѣчило тысячу друг. Посылки высып. запломбиров.

БЕРЕГИТЕСЬ ПОДДѢЛКИ.

Только благодаря хорошему качеству моего средства, существуютъ поддѣлки, которыхъ я насчитываю приблизительно 25, доказательство которое говорить за себя.

ДЖОНЪ КРАВЕНЪ-БЕРЛЕЙ
Спб., Департаментъ № 32. Невскій, 13.

!!! СТЫДИТЕСЬ !!!
Вашъ костюмъ вѣсь въ пятнадцать, тогда какъ онъ будетъ всегда какъ новый, купите пилговы-водный кремъ
„ЧУДОДѢИ“
Людвига Керейнъ.
Автоматически выводитъ все пятна изъ любой матеріи не затрагивая цвѣта ткани, безъ помощи щетки, мытья, труда и затратъ времени
ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА ОПРЯТНЫ!
Въ продажѣ вездѣ.
Оптовый складъ для всей Россіи у И. П. НЕСТЕРОВА,
Старо-Петергофскій просп., собствен. домъ, № 18.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ „ФОРЪ“

красятъ волосы въ любой несмываемый цвѣтъ, послѣ чего ихъ можно гофрировать, завивать и пр. Гребень совершенно безвреденъ. Перес. налож. плат. шт. 2 рубля 50 коп.

БАЗАРЪ МАРОКЪ, Спб., Невск., 20, кв. 8.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ В. ГЕНА ВЪ ВЪНЪ

изъ грецкихъ орѣховъ. Безвредное и вѣрное средство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣта. Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой. Главный складъ для Россіи Товарищ. „СПБ. ТЕХНО-Химич. лабораторія“.

„ВАТТЪ“-велосипеды,

мотоциклетки и пишущія машины признаны лучшими. Богато иллюстрированный каталогъ 1912 г. на русск. яз. съ цѣнами съ уплоч. пошлюной и пересылкой высылается бесплатно всѣмъ желающимъ.
(Адресъ на откр. за 4 коп.)
О-во Германскій Экспортъ и Импортъ.
Deutscher Export und Import, G. m. b. H.
Германія. Берлинъ, Риттерштр., 50, с. д.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ГЕОРГІЙ ЖЕМЛИЧКА и К^о.
МОСКВА, Столешниковъ пер., д. № 5.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ
„СМИСЪ-ВИЗИБЛЬ“.

Последнія модели велосипедовъ
„ГУМБЕРЪ и ФЛИТЪ“.

ФРАНЦУЗСКІЕ и АНГЛІЙСКІЕ
МОТОЦИКЛЫ.

ФРАНЦУЗСКІЕ АВТОМОБИЛИ
„БЕРЛЕ“.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ

общедост. ЗАОЧНЫЕ самообраз. ПРОГР. 2-ая итальян. и америк. коммерч. арифметика, комм. корреспонд., комм. географ., товаровѣд., словарь комм. словъ, курс правописанія, каллигр., конт. скороп., исправл. почерка. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Отзывы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. Прогр. пробн. лекц. выс. БЕЗПЛАТНО Книг. „Круг. Самообр“. Спб., Невскій 92-11

LUES

ПРОСТОЙ, СКОРЫЙ и ДЕШЕВЫЙ СПОСОБЪ ЕГО ЛѢЧЕНІЯ, БЕЗЪ ПРИМѢНЕНІЯ ІОДА и РТУТИ.

НАБОРОМЪ изъ ТРАВЪ, разрѣшен. къ повсемѣстной продажѣ. Брошюра, составлен. на основаніи научныхъ данныхъ и практич. наблюденій А. С. БУХБИНДЕРОМЪ (9-е исправлен. и дополн. изданіе), высылается въ открыт. конв. за 35 к. — въ закрыт. за 56 к. ♦ ВРАЧАМЪ БЕЗПЛАТНО. ♦ Контора и складъ изданія: МОСКВА, Бол. Царицынская, д. № 3, кв. 7. А. С. Бухбиндеру. Телефонъ 239-62. 36118 (6)

Брошюра же въ сокращен. видѣ высылается въ открыт. конвер. бесплатно, въ закрыт. за 14 к. почт. марк. Налож. плат. не высыл.

ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ и ЛУЧШЕЕ для ОХОТЫ вы найдёте

въ Оружейномъ складѣ
Т/д. Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ,
Москва, Тверская, д. № 15, близъ Газетнаго пер-
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ РУЖЕЙ РЕВОЛЬВЕРОВЪ и
ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
по доступнымъ цѣнамъ.
НА ПОКУПКУ ОХОТНИЧЬИХЪ РУЖЕЙ РАЗРЪШ. СВИДѢТ. НЕ ТРЕБУЕТСЯ.
Требуйте прейсъ-курантъ. Есть новости.

ВИНА имѣнія „БОЛГАТУРЪ“

Н. Н. БЕКЕТОВА.
КРЫМЪ, ГУРЗУФЪ.

Продаются въ лучшихъ виноторговляхъ и ресторанахъ.
СОВСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
Въ С.-Петербурѣ: Невскій пр., 18. Тел. 414-05.
Въ Москвѣ: Арбатъ, д. Бобылева, Тел. 139-25.
Въ Харьковѣ: Сумская, д. 7.
Въ Севастополѣ: Нахимовскій просп.
Въ Ялтѣ: Набережная.
Въ Гурзуфѣ. Въ Алуштѣ.
Въ Екатеринославѣ.
Въ Екатеринбургѣ.

ПАРФЮМЕРІЯ ЦВѢТЫ ВИШНИ PREMIÈRES CERISES

ТОВАРИЩ. „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ.“

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1900 Г.

VELOUTINE Ch. FAÛ

ЗНАМИТѢЙШАЯ РИСОВАЯ ПУДРА

Коронови пудры ВЕЛУТИНЪ неизмѣющія пламены Русской Таможни, должны считаться поддѣльными.

ПРЕВОСХОДНЫЕ ДУХИ LA DUCAZON

Архитектур.
Техникумъ Кокстацъ
на Баденск. озерѣ.
Машиностроение, 36000 12-6
Электротехника. Инженернострой.

Заочные УРОКИ МУЗЫКИ ТЮМЕНЬ, 1,
о Тоб. губ. о!
бесплатно. Афромуеву.

Француженокъ, англичанокъ, иѣмокъ вы-
пущенныхъ бюро въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи
первоза. контора Ясинской, Варшава, Влади-
мирская, 19, реком. учителей и учительницъ.

БРОШЮРУ 3-2
о подномъ налѣченіи пота и зловоніи ногъ
высылаю за **А. САНДБЕРГУ**, **РОВНО**
7 коп марку.

ФОТО графическіе снимки Испанскихъ и
Французскихъ красавицъ, Русск.
каталогъ 40 коп. почт. марками:
Gennert, Calle Padua Barcelona
26129 (Испанія). 15-13

Много денегъ зарабатывать мож. вслѣдъ всюду
и вездѣ, научившись выдѣл. мыло и лампадное
масло въ какихъ угодно пропорц. безъ обзаве-
денія и устройства только по моему руковод-
ству и рецептамъ. Товаръ обход. на 50%⁰ де-
шевле. Высш. нагр. и мед. на рус. и иностр.
выставк. Треб. также агенты для продажи мы-
ла и масла моего завода. Подр. проспекты-
книжка высылает. за 1 семикоп. марку. Адр.:
Одесса, № 49, мыловаренный заводъ Х. Когона.

РУЖЬЯ
охотничьи различныхъ сортовъ;
ВАС. ПЕТРОВА, Ижевскій оруж.
зав. Вятск. губ.
Прейсъ-курранты бесплатно.

Сухой квасъ
и кисл. щи въ коробк.
изъ натуральн. солодовъ.
Анализъ № 9462, прил. № 38582.
Паспортъ изъ вѣсн. Россіи № 17367
изобрѣт. **И. Д. СКВОРЦОВА**.
МОСКВА, Б. Дмитровка, д. № 10/15
Мясницкая, прот. почт. д. Кабанова.
Прейсъ-курранты бесплатно.

САМОПОМОЩЬ ВЪ ВОЛЪЗНЯХЪ
ИЩУЮЩИМИ
ВЕЗВРЕДНЫМИ И ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ
Книжка популярная ГОМЕОПАТІИ. ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТ-
КОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ
ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХЪ. въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ
„ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“ высылаютъ **БЕСПЛАТНО** по получении
21 коп. марками на почтовые и другіе расходы
— (заказывать 28 коп. влож. плат. НЕ высылаются) —
СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ въ 1834 году
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА
С.-Петербургъ, Гороховая, 17, нв. 54.
Существующая при аптекѣ Гомеоп. Лѣчебница даетъ
иногороднимъ письменные совѣты. Плата 50 к.
Ворожничъ лѣчебникъ Дерикера, 4-е изд. Цѣна 1 р.

Фотогр. Аппараты.
Бруно Зенгеръ № 10
С.Петербургъ Невскій Пр. № 25 (Казанскій)
Грамм.фон. и
Фонографы.
Кратк. Прейсъ-куррантъ **БЕСПЛАТНО**.

Только подлинно съ этою фабр. маркою
Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt.
„НЕ КАШЛЯЙ“
медо-травяной-мальць-экстрактъ и
конфеты
Л. Г. ПИТШЪ и КО
въ Бреславлѣ.
Употребляется ПРОТИВЪ КАШЛИ, МО-
КРОТЫ, ОХРИПЛОСТИ, СТРАДАНИЙ
ГОРЛА и ГРУДИ.
Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к.,
конфеты 30 и 50 к. Упаковка и пере-
сылка считается особо.
Главный складъ для Россіи въ С.-Пе-
тербургѣ, у „Т-ва С.-Петербур.“ ТЕХНО-
химич. лабораторіи, Лиговская, 123.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ мага-
зиннахъ Россіи. 85453 14-13

„НЕ КАШЛЯЙ“
медо-травяной-мальць-экстрактъ и
конфеты
Л. Г. ПИТШЪ и КО
въ Бреславлѣ.
Употребляется ПРОТИВЪ КАШЛИ, МО-
КРОТЫ, ОХРИПЛОСТИ, СТРАДАНИЙ
ГОРЛА и ГРУДИ.
Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к.,
конфеты 30 и 50 к. Упаковка и пере-
сылка считается особо.
Главный складъ для Россіи въ С.-Пе-
тербургѣ, у „Т-ва С.-Петербур.“ ТЕХНО-
химич. лабораторіи, Лиговская, 123.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ мага-
зиннахъ Россіи. 85453 14-13

ОПОЗОРЕННА 36550
Въ высш. степени интересный новый романъ.
Переводъ съ франц. Первые двѣ части выси-
лаемъ **БЕСПЛАТНО**. Сообщите вашъ адресъ
Издательству „Печатное Слово“, Варшава.

НЕ КУРИ!
Желающимъ бросить курить высылаются
БЕСПЛАТНО проспекты, указывающіе путь,
какъ избавиться отъ этой вредной привычки.
МОСКВА, Бульвары,
Сергиевскій пер., д. № 11, кв. 4.
П. КОМИСАРЕНКО.

ОСТЕРЕГ. ПОДДѢЛ. ТРЕБ. НАСТОЯЩ.
„НАФТИНЪ“
(ПОДСЫДНУЮ МАЗЬ)
ЗАВ. Т-ВО „НАФТА“ С.ПБ.
Прод. во всѣхъ АПТЕК. МАГАЗ. и
СЕЛЬСКО-ХОЗ. СКЛАД. Россіи ТРЕБ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

Братья ЯБЛКОВСКІЕ
ВАРШАВА, ул. Братская, 23.
ШЕРСТЯНЫЯ, ШЕЛКОВЫЯ, БУМАЖНЫЯ МАТЕРІИ.
СЕЗОННЫЯ НОВОСТИ.
— ОБРАЗЦЫ высылаемъ по каждому требованію **БЕСПЛАТНО**. —
При заказѣ свыше 12 руб. расходы по пересылкѣ товара въ предѣлахъ
Европ. Россіи принимаемъ на свой счетъ.

36602 4-1 **100—400 руб. въ мѣсяцъ**
можеть каждый вездѣ легко зарабатывать, на-
учившись по моему руководству и рецептамъ
приготовлять новозобрѣтенный шампан-
скій газированный квасъ, который по своему
тонкому, приятному вкусу, пѣжному аромату
и крѣпости газа лучше всѣхъ прохладитель-
ныхъ напитковъ, сельтерскихъ водъ и лимо-
надовъ. Бутылка себѣ обходится 1/2 к. и про-
дается всюду по 5—10 к. Для дѣла и обзаведе-
нія нужны всего 15 руб. Матеріалъ имѣется
всюду. За обученіе взимаю всего 5 р., по получ.
2 р. задатка высыл. руководство и рецепты
съ налож. плат. на остатоки. Адресъ: Одесса,
№ 43, заводъ газированнаго кваса Х. Когона.

Scarabée
L.T. RIVER
PARIS

РАСКИ
скоровысыха-
ющія, масля-
ныя, эмалевыя,
лаковыя, сухія
и проч. для маляр-
наго производства.
Прейсъ-куррантъ съ
приложеніемъ об-
разц. высылается
по требованію
БЕСПЛАТНО.
Существ. съ 1856 г.
Н. Ф. КЮНЪ.
36626 С.ПБ.,
Казанская, 36.
Телеф. 2-36.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ.
Среднее учебное заведеніе заочно.
Расходую 1 р. 50 к. въ м-ць, никакихъ больше расходовъ! Учебныхъ пособій не
серьезно и основательно, **подъ руководствомъ опытныхъ препода-**
вателей-специалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ
полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, подготовиться къ
любому экзамену по разнымъ предметамъ, на званіе учителя, — цы город-
скихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. учил., аптек. учен., вольноопредѣл. 1 и 2 разр.,
на клас. чинъ и т. д. Брошюра благодарств. отзыв. и лести. отзывы печати высыл.
беспл. Вышло **18 выпусковъ**. Для подр. ознакомл. съ издан. „Гимн. на
дому“ выписки высыл. налож. плат. по 1 р. 50 к. за каждый.
При редакціи учреждено постоянное бюро, которое руководитъ занятіями и провѣ-
ряетъ присылаемыя учениками работы бесплатно. Проспекты и благодарственные
отзывы высылаются бесплатно.
Издат. Т-во „Благо“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 88.—24.
Нужны дѣятельные агенты-сотрудники. 36644 2-1

Француженки выпущен. изъ собств.
бюро въ Парижѣ, кон-
тора 1-го разряда Заленскій, Варшава, Вла-
докъ, 5. Рекоменд. Нѣмки, Англичанки. 34837

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ
ВЪ ГАЗЕТЫ?
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп.
за двѣ семик. мар. Адресъ: Кіевъ, Южному
36542 Издательству, отд. 3. 6-4

Важно для дамъ и мужчинъ! Тре-
буйте **БЕСПЛАТНО** оптово-рознич-
ный преісъ-куррантъ. Аптекарь. складъ
С. А. ГЯЧАСЪ, С.-Петербургъ,
Пушкинская ул., д. № 1.

УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ С КОРНЕМ.
МОЗОЛИН 35к
РЕЙНГЕРЦ
ОСТЕРЕГ. ПОДДѢЛ. ПРОД. ВЕЗДѢ
ФАБР. С.ПБ. 10 РОЖДЕСТВ. 24.

Т-во парфюмерной фабрики
СИЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С.ми
МОСКВА
МЫЛО
МЕЧТА

БИРЖЕВЫЯ
порученія исполнять и спеціаль-
ные счета „ON CALL“ откры-
ваетъ для столичныхъ и иногород-
ныхъ кліентовъ.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ТОВАРИЩЕСТВА
„Кирѣвъ, Петровскій и Ко“
СПБ., Морская, 23.
Брошюра „Царство Золота—Биржа“
высыл. бесплатно.

НОВАЯ КНИГИ:
О ГЛУПОСТИ
Обзоръ области человѣч. ограниченности.
Соч. д-ра Лэвенфельда. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.
ФИЗИОНОМІЯ И ХАРАКТЕРЪ
опытъ научн. физиогномики съ 32 рис. Соч. д-ра
П. Гартенберга. Пер. съ 3 изд. Ц. 1 р. 25 к.
Проф. Т. Рибо. О СТРАСТЯХЪ.
Психол. этюдъ. Пер. съ 3 изд. Ц. 75 к.
36526 **Проф. ВУНДТЪ.**
ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.
Пер. подъ ред. проф. Н. Ланге. Ц. 60 к.
Высылаетъ съ налож. платежомъ
Книжн. магаз. „Одесскія Новости“, Одесса.

КУМЫС
въ неогр. кол. Здоров. мѣстн. ПЛАТА ДОСТ.
Подр. Москва, Тверской б., 8. 36684

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
поср. легкой всякому доступной фа-
брикаціи. 1000—5000 руб. ежегод.
дохода. Брошюра бесплатно. Заводъ
И. Я. Маркъ, Либава, Курл. г.

Спасай-теся отъ ГРЫЖИ
Бросьте негодные и калѣчащіе васъ бан-
дажи стар. сист. Примѣните усовер. ана-
томическо-инвенматическій бандажъ безъ пружинъ
констр. д-ра **МАРКОНИ** и вы избавитесь отъ мучит.
страданій. Выс. нал. пл. 5 р., двухст. 9 р. 50 к.
Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к.
Указать сторону и длину пояса стар. бан-
дажа, пахов. или мопон.
СПБургъ, Невскій пр., 100, кв. 12. Х. Земскеру.
(Переведено изъ 8 Рожд., 19).

2 НОВОСТИ НЕОБХОД. ДЛЯ ВСѢХЪ
1) Швейц. домашн. паяльникъ для спавъ. и
лѣж. всяк. метал. предм. безъ кислоты и т. п.,
то же для неумѣющихъ. Прочн., совс. без-
опасн., сбереж. врем. и денегъ. Ц. компл.
3 р. съ перес. 2) Чудо-Молотокъ соедин. 20
разн. инструмент., какъ: ключи, гаеч. ключъ,
отвертка, буравчикъ, 2 напильн., долото,
пилка, наковальн., тиски и т. д. для монт.
и хов. Ц. компл. 4 р. 50 к. съ перес. Выс.
налож. платеж. безъ задатка. Викент. Петр.
Ежевскій, Варшава, Х. Гожая, 72.

Самое нѣжное и вѣрное
слабителное средство
Продажа въ аптекахъ и
аптекарскихъ магазинахъ
ШОКОЛАДЪ
„ДРАСТИНЪ-ЛЮБЕЛЬСКІЙ“
Коробка 50 коп. для дѣтей и
взрослыхъ.
Пріятенъ на вкусъ и
безусловно дѣйствуетъ
Лабор. Апт. Любелъскаго, Варшава.

Высыл. за налож. плат. не менѣе 2 короб. за
1 р. 25 к. съ перес. Въ С.ПБ. гл. склады:
Русск. О-во Торгов. Аптек. Товар.
и Штоль и Шмидтъ. 36629 4-1

СРЕДСТВО противъ ревматизма
и подагры „Трей-
зеръ“ можно достать
во всѣхъ видныхъ ап-
текарскихъ магазинахъ
и аптекахъ. Иллю-
стрированная брошю-
ра съ подробнымъ опи-
саніемъ вышеназван-
ныхъ болѣзней выси-
лается **БЕСПЛАТНО**,
по первому требова-
нію. Адресовать такъ:
М. Е. ТРЕЙЗЕРЪ,
№ 37 Бангоръ Гаузъ,
Шу-Лейнъ, ЛОНДОНЪ,
36455 Англія. 27-5

Состоящее
подъ августѣйшимъ
покровительствомъ государ. императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
ИМПЕРАТОРСКОГО
СЛОВЕСКОГО ОБЩЕСТВА
для сбора
пожертвованій на
ремесленное
образованіе
бѣдныхъ дѣтей
ПРОСИТЬ
всѣхъ жертвовать
НЕУЖНЫЯ
ВЕЩИ
обременяющія
всякое
ХОЗЯЙСТВО.
СОБИРАЕТЪ ТОЛЬКО ТО,
ЧТО НИКОМУ НЕ НУЖНО.
Просить ничего не стигать и ничего не
бросать въ мусорныя ямы, все будетъ принято
съ благодарностью.
По каждому требованію присылаетъ артель-
щина, который обязанъ жертвователю выдавать
квитанцію, нанъ бы мало пожертвованіе не было.
Тарасовъ пер., 26-а.